

Колдовские миры

КИРА ИЗМАЙЛОВА

Больше жизни,
сильнее смерти

Annotation

Некромант повержен, армия мертвецов разбита... И что теперь делать ее командиру, впервые за сотни лет получившему свободу? Конечно, раскинуть гадальные камни и заглянуть в будущее! Итак, что у нас в раскладе? Беглая княжна, колдуны-недоучки, призрак давно почившей красавицы, древнее сокровище, погони и, надо же, любовь! И кто же эта смелая, кто отважится разделить с ним дорогу к далекому дому? Камни молчат... А сердце?

Кира Измайлова

Больше жизни, сильнее смерти

Разработка серийного оформления *Ф. Барбышева, А. Саукова* Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Небо на востоке понемногу светлело. Давно я не встречал рассвет, забыл уже, как это выглядит. Не представлялось случая полюбоваться восходом.

Я сидел на пригорке и смотрел в небеса, поскольку больше заняться было нечем. Вокруг бестолково шатались поднятые моим хозяином мертвецы, то и дело сталкивались друг с другом, падали... Выглядели они преотвратно, к тому же большинство оглушительно воняло.

Сдается, противник обычно драпал от моего отряда не столько потому, что боялся драки, сколько из-за этой вот вони, в особенности если мы заходили с наветренной стороны. Хотя и драться с мертвяками — дело нелегкое, даже если забыть про запах и гадостный вид. Они хоть и неповоротливы и в большинстве своем совершенно безмозглы (в самом прямом смысле слова, мозги почему-то особенно быстро отказывают), зато если уж науськаны как следует, не остановятся ни перед чем и противника в покое не оставят.

То, что они на ходу разваливаются, ерунда, вон один безногий ползает... Приполз к пригорку, пытается грызть мою ногу, завидует, наверно. Ладно, пусть уж грызет, бедолага, сапог ему не прокусить... Мертвяки отчего-то всегда страшно голодны, а поскольку онидохлые, наестся им не светит. Но они-то этого не понимают, потому и бросаются на все, что шевелится, в надежде поживиться. Загрызть, может, не загрызут, но потопчут и искусают изрядно, особенно если навалятся кучей. А на зубах у них столько всякой дряни, что... Словом, лучше мертвяков близко не подпускать, опасное это дело.

А уж сражаться с ними — хуже не придумаешь. Возни много, а толку мало: мертвого-то второй раз не убьешь! Хороший боевой маг с ними, конечно, легко управится, но где их взять, хороших? А так — разве только на мелкие куски порубить или сжечь, тогда угомонятся. Но рубить — это долго, к тому же пока одного рубишь, остальные тебя самого живо разделают, так что огонь надежнее. Но и подпалить мертвяков не так-то просто, они хоть и безмозглые, сами в огонь не полезут, а загнать их туда — поди попробуй!

Помню, брали мы недавно замок, вот там кто-то хорошо придумал... Наливали в горшки смолу, масло, жир... Что нашлось, словом, поджигали, да в мертвяков со стен швыряли. Полыхало славно, да только горючее-то у защитников замка быстро закончилось, на мертвяков все перевели. Ну а живые наши отряды в сторонке отсиживались, чтобы не получить котел горячей смолы на голову. Уцелели, а там и в атаку пошли. Замок тот мы взяли без особого труда.

А сегодняшний наш противник к нам и вовсе не сунулся. Командование решило, наверно, что раз хозяина нашего убили, то мертвяки живенько упокоятся, а может, с рассветом прахом станут. Знаю я эти сказки...

Однако вон уже и солнышко над лесом показалось, а ничего моей дохлой команде не сделалось. Повезло местным жителям, нечего сказать: по окрестным лесам долго еще мертвяки шастать будут! Они ведь, пока передвигаться могут да окончательно на куски не развалятся, не уймутся. Хозяин помер, его воля мертвяков больше не держит, а своей у них нет, только голод да злоба остались...

Оно лишь звучит красиво: «армия восставших мертвецов»! А вот выглядит эта армия гнуснее некуда, к тому же тупа, как стадо баранов. Я слышал, крестьяне козлов приспособили овечьи стада водить — те сообразительнее. Только что баран, что козел, все одно — скотина!

До мертвяка наконец дошло, что мой сапог ему не по зубам, и он подтянулся повыше,

целясь цапнуть меня за колено. Пришлось двинуть по морде, чтобы не наглед. Мертвяк скатился с пригорка, потеряв по пути челюсть (хлипкий попался, не так уж сильно я его приложил), и притих.

Итак, возвращаясь к нынешнему положению... Мы наголову разбиты. Хозяин погиб, причем глупо до крайности — от случайной стрелы, которая и не ему была назначена: все же знают, что в мага стрелять бесполезно! Метили наверняка в кого-то из тех, кто с воздуха заходил. Промажнулись, конечно, в хозяйских пташек попасть не так-то просто. Стрела — такой доспехи пробить можно! — с высоты и клюнула, а хозяин то ли вокруг себя защитные магические стенки навел, а сверху прикрыться не озаботился, то ли еще что... Итог один: он помер, мертвяки разбрелись, прочие — кто сдался, кого убили, противник торжествует. А мне-то что теперь делать?

Когда выполняешь хозяйский приказ — оно проще, много думать не надо. Прежде я мог и камешки гадальные бросить, чтобы спросить, как быть: сражаться до победного конца, сдаться, сбежать, пойти и удавиться на ближайшем дереве... А сейчас и выбора особого нет. Да и камешков-то нет. Надо новых набрать, кстати. Вдруг да пригодятся?

Мертвяки зашевелились, собираясь к моему пригорку. За своего они меня не считают, значит, скоро накинута вся стая. Сделать ничего не сделают, но мало приятного в том, чтобы оказаться в толпе полуразложившихся тел! Увы, нынешний мой хозяин был не чета первому, тот хоть покойников свежих старался подыскивать, а этот набрал с миру по нитке.

Ладно, рассуждать можно и на ходу. Я поднялся и зашагал в сторону леса, временами обходя собирающихся в кучки мертвяков и поглядывая под ноги. Нападения не опасался, живых тут уже нет, мародеры тоже сунуться не рискнут, а рискнут — это уж их проблемы. Нет, меня интересовало кое-что другое.

Для начала следовало определиться — за кого себя выдать? Ладно, по дорогам нынче бродит превеликое множество народу, в том числе и при оружии, — от бандитов до наемников (хотя разница подчас невелика), так что я особенно в глаза бросаться не буду. Или буду?

Я присмотрелся к нескольким свежим покойникам (не повезло этому отряду нарваться на мой) и призадумался. Это не ополченцы, солдаты, вон форма на них. Может, содрать мундир, какой поцелее, да прикинуться чудом выжившим? Нет, не пойдет. Я ни названия (или номера, что у них теперь?) отряда не знаю, ни имени командира, ни разных там паролей-отзывов, да и в знаках отличия не разбираюсь совершенно. Этак меня живо уличат, сочтут мародером (и справедливо) и поступят так, как принято поступать с этой публикой. А меня это ну никак не устраивает!

Правда, от мысли обшарить карманы служивых я не отказался. Добыча оказалась скудной: горсть монет разного достоинства и скверной чеканки (преимущественно медных), кое-какие побрякушки (дешевка, но, может, удастся сменять на что-нибудь?), вот и все. У одного мертвеца, одетого богаче и ярче прочих (офицер, надо думать), нашлось немного серебра, пара приличных колец и очень недурной кинжал. У меня и свой имелся, но запас карман не тянет, опять же, и продать всегда можно. Лишь бы он фамильным не оказался или наградным, вот тогда хлопот не оберешься... Присмотрелся я и к прочему оружию, подумал-подумал, но решил не брать. У этого покойника было что-то вроде тяжелой шпаги, а я к ним непривычен, хотя орудовать и умею. Нет уж, останусь при своем. Тем более что у шпаги этой как раз вон какая-то гравировка вдоль лезвия, как бы и впрямь не фамильная...

Больше ничего полезного я не обнаружил. Может, если поискал бы получше, нашел, но я

не собирався обшаривать все поле боя. Так, нагибался к тем, кто под ноги попадался.

Солнце стояло уже высоко, когда я вошел под кроны деревьев. Если память не изменяет, где-то здесь я видел ручей... Он и нашелся там, где я его искал, порядком затоптанный и загаженный. Пришлось подняться выше по течению, забираясь в чашу, но так было даже лучше: во-первых, по лесу, по кустам да бурелому мертвяки особенно за мной не почешут, во-вторых, мне слышались характерные птичьи крики, а это вполне могла оказаться разведка неприятеля. Я, конечно, теперь сам по себе, но противник-то об этом не знает!

Безжалостно затоптав первую весеннюю травку, нашел на берегу ручья место посуше, опустился на колени и тщательно умылся. Зеркало из бегущей воды было так себе, но неподалеку удалось отыскать подходящую лужу: на то, чтобы оценить, сильно ли я буду выделяться среди всякого сброда, сгодится.

Ну что ж... Физиономия как физиономия, совершенно ничего выдающегося. Бледновата, правда, так ведь весна на дворе, когда бы мне загореть было? С другой стороны, у тех мертвых вояк лица обветренные, а у меня не особенно... Ну ладно, допустим, я отсиживался всю зиму у какой-нибудь вдовушки, а может, вообще раненый лежал. Сойдет.

Те парни коротко стригли волосы — как знать, это потому что они солдаты или теперь везде так принято? Если первое, то и ладно, а если второе — я буду обращать на себя внимание своим хвостом. Правда, с неровно обрезанными ножом волосами я стану привлекать чужие взгляды еще сильнее, так что пусть уж остается как есть.

Одежда... Вот с ней я возился долго, отдирая все мало-мальски приметные бляшки, ненужные пряжки, цепочки и прочие украшения. Хозяин падок был на них как сорока, считал, что так я внушительнее выгляжу! Может быть, только сверкать этими финтифлюшками я не желал. А так сойдет: рубашка, штаны — самые обыкновенные. Куртка, правда, старомодного покроя, но если не присматриваться, то ничего. Впрочем, бродяги какого только тряпья на себе не таскают! А вот сапоги — тут я с тоской взглянул на них, — сапоги никуда не годятся. В таких только на пригорке стоять и командовать, а после пары дневных переходов они прикажут долго жить. Но это проблема решаемая: достаточно вернуться на поле боя и снять обувь подходящего размера с кого-нибудь из солдат. Вообще-то, я посматривал на офицера, но у того оказалась прямо-таки девичья ножка, нечего и думать втиснуться в его сапоги, как ни жаль. Ну и ладно, у солдат они попрочнее... наверно.

Мертвяки, пока я раскладывал по кучкам добычу, плескался в ручье (заодно собрал горсть подходящих камешков разных цветов) и искал обувь, откочевали по другую сторону моего командирского пригорка, сбились плотной толпой и явно что-то замыслили. Либо просто не могли решить, в какую сторону двигаться. С ними это бывает, когда руководить некому: часть толпы идет вправо, другая — влево. Ну, это мне на руку. Пока они разберутся, где пожива лучше, пока куда-нибудь двинутся, я буду уже далеко.

Только... в какую сторону идти?

Туда, откуда мы наступали, нельзя. В те края сейчас движется победоносная армия противника, зачищая остатки хозяйского воинства. В противоположную — тоже не стоит, могут сцапать. Наверняка там сейчас ловят прорвавшуюся нечисть, патрули какие-нибудь шастают, да хоть просто подкрепление идет! Если сочтут за дезертира, загонят в какую-нибудь штрафную роту — и это в лучшем случае. А вот если примут за шпиона, тогда я никому не позавидую.

Стало быть, решил я, пораскинув мозгами, двину-ка на север. Те места война зацепила самым краешком, так что вид вооруженного человека особенного удивления не вызовет,

равно как и желания поймать его и допросить, кто таков и откуда. Идет себе и идет, лишь бы не трогал никого, а я задираться и не собираюсь. Лишь бы ко мне никто не полез. Тогда, глядишь, обойдется...

— Бывайте, ребята, — сказал я мертвякам, поправил амуницию и зашагал прочь от этой дурацкой войны.

Во всяком случае, в тот момент я искренне так думал.

В том, что я существенно ошибся, убедился уже на вторые сутки. Первые пролежал в придорожной канаве, дожидаясь, пока мимо протянется бесконечный обоз. И что, спрашивается, меня потянуло на большак? Решил, что по дороге идти легче? Да, как же! После этого обоза что по колее, что по непаханому полю — все едино: грязи по колено, всего прочего тоже достаточно, только и смотри, как бы не вляпаться.

Идти пришлось по самой обочине, то и дело останавливаясь, чтобы счистить с сапог налипшую грязь, иначе казалось, будто я тащу на каждой ноге по ведру с глиной. Вдобавок, интенданта того погибшего отряда определенно стоило если не повесить, так хотя бы выпороть: хваленые солдатские сапоги всем своим видом намекали на то, что вот-вот прикажут долго жить. Наверно, прежний хозяин о них заботился, чистил и смазывал, даже если до того шагал сутки напролет по разбитой дороге... Увы, выхода у меня не было, разве что разуться и идти дальше босиком. При нужде я бы так и сделал, но хотелось все-таки выглядеть пристойно, да и месить грязь я предпочитал, будучи обутом.

Вопрос-то решаем, только нужно отыскать какую-никакую деревеньку. Уж, наверно, там найдется сапожник. А не найдется, так удастся купить дешевенькие опорки, чтобы дотянуть до другого местечка...

Деревни, как нарочно, не попадались. Нет, вру: видел одну чуть поодаль. Вернее, то, что от нее осталось: печные трубы да развалины пары-тройки домов. Сгорела она не вчера — запах давно выветрился, — а как бы еще не зимой. Здесь искать было нечего, и я двинулся дальше.

Вокруг было пусто, голые заброшенные поля и местами горелый, едва-едва зазеленевший лес навевали уныние. Пронзительно кричало воронье, и первое время я вздрагивал от каждого вопля. Потом привык и перестал: ясно, что ни хозяйских пташек, ни неприятельских разведчиков здесь нет. А если кто и появится, вряд ли их заинтересует одинокий путник, плетущийся по разбитому тракту. Тем более, подозреваю, колером я сливался с окружающим пейзажем. Особенно если взглянуть сверху.

С другой стороны, наконец-то стало тихо (ворон можно не принимать в расчет): ни тебе команд, ни рева боевых хозяйских тварей, ни свиста стрел, ни предсмертных воплей... Тишина, ветер шелестит сухой прошлогодней травой, под ногами мерно чавкает грязь, в канаве журчит ручеек, кто-то заунывно матерится...

Матерится?!

Я очнулся и огляделся. Звуки разносились далеко, и по всему выходило, что ругань слышится из чахлой придорожной рощицы либо из-за нее. Судя по тому, что невидимый субъект скучно и неизобретательно поносил какую-то скотину, эта самая скотина сбежала и теперь не желала возвращаться в родное стойло. Ну или что-то в этом роде.

Так или иначе, здесь жили люди, и к ним можно попроситься на постой. Не то чтобы я сильно в этом нуждался, но очень хотелось счистить грязь с одежды (и с себя тоже), а заодно прояснить вопрос с пошивом сапог. Ну вдруг в эту глушь забрался именно сапожник? Надежды мало, но я и не такие совпадения помню...

Проклиная все на свете, а особенно здешнюю сырую весну и хозяина, которому взбрело в голову воевать по самой распутице (надеялся, что враг увязнет, да не рассчитал, сам застрял со своими тяжеловесными ездовыми монстрами и неповоротливыми мертвяками), — я

проломился сквозь рощицу и остановился. Невдалеке виднелся хуторок — низкая крыша дома, покосившиеся сараи, зато забор внушительный. Над трубой курился дымок, и это вселяло надежду.

— Пошел, поше-ол... — разорялся совсем неподалеку хозяин этого райского местечка. — Ну, мертвый!..

Я невольно вздрогнул, но тут же понял, что обращение относится к лошади. Селянин, по-моему, пытался распахать полоску земли что посуше, но плуг напрочь увяз в глинистой земле, и изможденной коняге было не под силу сдвинуть его с места, как ни нахлестывал мужичонка тощие бока.

Я пригляделся: гнедой конь оказался крупным, каким-то больно уж рослым для крестьянского. Среди них обычно попадаются невысокие, крепенькие, неприхотливые лошадки, а не такие дылды. Да и стати...

— Что ж ты делаешь, изверг! — рывкнул я и зашагал к мужичонке прямо по пашне. Хм, ну, пашней это глинистое болото мог назвать только очень большой любитель земледелия. — Совсем с ума съехал?!

— Э, э... — Тот живо отскочил от плуга и вытащил из-за пояса топор. — Чего надо? Кто таков?

— Последнего разума лишился, что ли? Додумался — верховую лошадь в плуг запрячь! — До землепашца мне дела не было, я пробрался к коню, свесившему голову и тяжело поведившему боками. — Как он у тебя еще копыта не отбросил!

В порыве праведного негодования я начисто позабыл, что к лошадям мне приближаться не стоит. Правда, этому коню явно было все равно — он меня подпустил и даже позволил взять себя под уздцы. А доводилось видать, как самые доходящие одры взвивались на дыбы, стоило мне протянуть к ним руку! Похоже, крестьянин уходил этого красавца мало не насмерть...

Первым порывом было попросту срезать упряжь, но я тут же сообразил: за ущерб придется платить, да и лишних обид учинять не следует.

— Распрягай, — велел мужичонке, опасливо топтавшемуся поодаль. Он и сбежать не мог, бросив коня и плуг, и подойти боялся — вид у меня был достаточно грозный. — Кому говорю? А то сейчас напластаю сбрую на мелкие кусочки, как чинить будешь?

— Да это... ну, того... — пробормотал он.

— Не трону я тебя, — пообещал я, поняв причину его колебаний. — На кой ты мне сдался? Руки пачкать...

— Ну! — неопределенно сказал мужичонка и живо распряг своего доходягу.

— Откуда он у тебя? — спросил я, осторожно выводя коня на более-менее ровную поверхность. — Спер, поди?

— Чего-о?! — оскорбился он. — Чего это сразу — спер?

— А откуда бы у тебя взяться такой лошади? — Тут я заметил, что бедолага прихрамывает на переднюю левую ногу.

— Сам прибег, — сказал крестьянин и вытер нос рукавом. — Приковылял, стало быть.

— Угу, у таких, как ты, все само прибегает и к рукам прилипает, — согласился я.

— Да правду я говорю, — окончательно оскорбился он. — По зиме дело было...

Из его путаного сбивчивого рассказа выходило, что в начале зимы где-то неподалеку случилось очередное побоище. Случилось и случилось, главное, хутор не спалили и вообще мимо прошли, а кто именно, того мужичок знать не знал. Целы остались, и ладно.

А через пару дней, отправившись в ближайший лесок за хворостом, он и нашел этого вот гнедого. У того, видно, убили хозяина, если судить по окровавленной и уже задубевшей попоне. Сам конь хромал на трех ногах, однако же умудрился выйти к человеческому жилью, даже волки его не съели.

«Какие волки! — подумал я. — Где хозяйские оборотни хоть раз появлялись, волков в ближайшие десять лет не жди, они не самоубийцы!»

Сперва мужичок хотел коня прирезать: перелом не залечишь, а так — хоть мяса на всю семью хватит! Потом присмотрелся и сообразил, что на больную ногу гнедой все-таки наступает, позвал кого-то, кто побольше смыслил в лошадях, и стало ясно, что перелома нет, так что на всех четырех конь еще сможет бегать.

Тут включилась крестьянская смекалка заодно с крестьянской же жадностью. Во-первых, если гнедого вылечить, его потом можно дорого продать. Во-вторых, его же можно подпустить к своей кобылке, авось жеребенок получится справный. Наверно, было что-то «в-третьих» и «в-четвертых», но это не столь важно. Главное, гнедой остался зимовать в хуторской конюшне. Правда, на скудном пайке он здорово отощал, но зато к весне уже нормально ходил.

А как начал таять снег, случилась беда: пала кобыла. Ну и что оставалось делать бедному хуторянину? Небось, не оставь он этого дармоеда, своей лошадке доставалось бы побольше корма, дотянула бы до пахоты, не оставила хозяина без подмоги! Вот и пришлось впрягать гнедого. Только проку с него — шиш да маленько. В упряжи ходить не умеет, только под седлом, а как все же в плуг впрягли, мороки меньше не стало: слабосилен оказался, на своих домашних и то больше вспашешь!

— Зимой еще его резать надо было, — завершил мужичок свою печальную повесть. — Хоть какой бы толк вышел! А теперь что? Кожа да кости...

— Ты не горячись, дядя, — сказал я. — Покажи лучше, где у тебя конюшня.

— Зачем еще? — всполошился тот. — Ты человек прохожий, случайный, вон, оружный, как тебя на двор пустить? А ну — вор?!

— Я заплачу, — пообещал я и побренчал медяками в кармане. Хорошо, что камешки ссыпал туда же, звона вышло больше.

— Жрать самим нечего, — сказал мужичок, по-моему, шевеля ушами в попытках пересчитать монеты на слух.

— Свое, — похлопал я по тощей сумке (ее я тоже подобрал там, на поле боя, не в карманах же таскать добычу?). — А переночевать не откажусь, надоело в чистом поле...

— Не откажется он... — пробурчал тот, получив медяк. — Тебя как звать-то, парень?

— Север, — ответил я, вовремя сообразив переделать свое имя на местный лад. В истинном своем виде оно звучало бы слишком странно.

— Ну а я тогда Сивый, — хмыкнул мужичок. — Ты от коня-то отцепись, отцепись, не твое — не лапай!

— Иди уже, хозяин рачительный, — подтолкнул я его в спину. — Про коня мы с тобой попозже потолкуем...

— Только ночевать будешь там же, на конюшне, — снова остановился он. — В дом не допущу! У меня там жена и вообще!

— Нужна мне твоя жена... Ладно, только дай воды наносить — коню и себе, сам видишь, в какой я грязи!

— Это пожалуйста, — согласился он, подумав. — Это сколько угодно. Колодец — вон

он, ведро там же стоит. Как управишься, скажи, я ворота снаружи на засов заложу, а то смоешься еще и гнедого уведешь!

— Куда я его уведу, — пробормотал я, — если он на ногах еле стоит. Где, говоришь, колодец-то?

До вечера я таскал воду. Для начала как следует вычистил коня (хозяин явно занимался им спустя рукава, думал, может, что время терять — все равно падет), кое-как разобрал ему хвост и гриву. Хорошо еще, они некогда были подстрижены по-кавалерийски, иначе осталось бы только обрезать, такие там оказались колтуны. Гнедой, отдохнув и напившись, немного ожил и начал поглядывать на меня косо, фыркать и прядать ушами.

«Ну нет, родной, так дело не пойдет», — подумал я и засыпал ему двойную порцию того, что здесь именовалось кормом. Об овсе даже мечтать не приходилось. И как он умудрился протянуть всю зиму на... вот не знаю, как назвать? Живучий оказался, разве только благодаря этому. Или везучий.

«Везение нам пригодится», — решил я и занялся собой. Стирать одежду, ясное дело, не стал: по такой погоде ее только у печки сушить, а в дом меня пускать не собирались. Так, выколотила уже присохшую грязь из куртки и штанов, сапоги помыл и с огорчением понял, что они в еще худшем состоянии, чем я предполагал. Ну, и с себя смыл, что смог. Сойдет пока что...

Когда я возился у колодца, в низких окошках дома мелькали любопытные лица домочадцев Сивого. На двор, однако, никто не показывался. Да оно и к лучшему: меньше народу запомнит мою физиономию.

— Запираю, — сказал Сивый, когда я уже устраивался в конюшне. Ну, запах, что ж теперь? Можно пережить. — Огня не вздумай разводить!

— На кой тут огонь? — спросил я. — Крыша дырявая, луну видать.

— Это... — он переступил с ноги на ногу. — Тебе, может, овчину кинуть укрыться? Ночами-то еще того... холодно.

— Я привычный. А скажи-ка, Сивый, ты о волках что-то говорил, верно?

— Ну?

— А нельзя ли волчий хвост раздобыть? Или просто шкуры клок?

— Тебе на что?

— Нужно, — ответил я коротко. — Так найдется или нет?

— Ну, от шубы могу отрезать, — пожал он плечами. — Только он потертый уж.

— Ничего, сойдет, это мне без разницы. А скажи еще, Сивый, за сколько у вас тут можно лошадь купить? — Я увидел, как у него разгорелись глаза, и быстро поправился: — Обычную крепкую крестьянскую лошадь, чтобы и пахать на ней, и... что вы там еще делаете?

Мужичонка подумал и бухнул неслыханно.

— Ты точно свихнулся, — сказал я. — Столько породистый жеребец стоит!

— Так это!.. — Он схватился за бороду. — Жеребец! А ту лошадь поди еще найди!

И понес какую-то околесицу о том, что за лошадью надо тащиться на дальний хутор, а туда пешком поди дойди по такой-то распутице, да еще когда туда-сюда военные шастают, да еще сторгуйся, да смотри, чтобы на пути туда не ограбили, а на обратном конягу не отобрали...

В общем, столковались мы на двух серебряных. Деньги я обещал отдать поутру, когда буду уходить. Об «уезжать» говорить было рано — гнедому бы самому идти, а на него еще кое-что навьючить нужно, иначе чем я его по дороге кормить стану?

— Ближайшее жилье, — сказал мужичонка, — днях в трех пути отсюда, не меньше. В последнее время народ все больше по лесам прячется, потому как большую деревню заметить легко, непременно налетят и пограбят, хорошо, если не сожгут. А поодиночке, может, и тяжелее живется, зато больше шансов остаться незамеченными.

— То-то ты, Сивый, у самой дороги пристроился, — поддел я.

— Это дорога ко мне пришла, — насупился он. — Прежде тут лес был да лес, а как воевать стали — повыжгли, начали туда-сюда шастать. То одни, то другие. Ух, страху мы натерпелись! Тут еще три двора когда-то было, так соседи давно снялись и ушли подальше, а я вот чего-то не собрался. Пока боги милуют...

— Какие боги-то? — спросил я словно невзначай.

— А ты будто нездешний, Север? — покосился он на меня. — И говор не наш, и рожей на местных не похож... Ты смотри, если ищет тебя кто, я живо скажу, куда ушел, а то спалят еще! А у меня жена и вообще!

— Да никто меня не ищет, — солгал я. — А что нездешний — это правда. Наемник я. Хотел подзаработать, посмотрел, что тут творится, да и плюнул: лучше быть бедным, да живым!

— Это ты верно говоришь, — закивал Сивый. — Чего мы тут только не насмотрелись, хоть сидим тихо, никуда не лезем... Найдешь еще, чем заняться, не суйся ты в эти дела! Парень молодой, хозяйство заведешь, женишься, чем плохо?

— Ну да, — ответил я спокойно. — Вот и я так подумал.

— Пойду, — сказал мужичонка. Со двора доносился голос его супруги, потерявшей мужа: что-то мы заговорились. — Вечерять пора. Так ты это... не?.. А то идем! Ты не подумай, не со зла я, тут люди-то лихие попадают, так...

— У тебя ж там жена и вообще, — хмыкнул я. — Нет, не стану твоих домашних пугать. У меня всего довольно. Только про богов-то скажи мне, кого тут у вас почитают? А то у меня на родине, поди, совсем о других говорят, чего доброго, беду наживешь!

— А, — махнул он рукой. — Теперь это всем без разницы. Тут таких, как ты, пришлых, на дюжину двенадцать! Ты, главное, темных богов не поминай и не говори ничего вроде: «Чтоб тебе провалиться!» или «Тьфу ты, проваль!», и ничего.

— Это почему ж? — нахмурился я.

— Ну... говорят, ежели так скажешь, то вроде как к Нижнему богу обращаешься, а это не к добру, — туманно пояснил Сивый, вышел и загрохотал засовом.

Вот еще новость... Чем Великий Нижний-то не угодил? Мирный спокойный бог! Хотя... догадаться могу. К Великому Нижнему уходят мертвецы, а с мертвецами у нас кто дело имеет? Правильно, типы вроде моего хозяина. Ясно, что без нужды к такому богу взывать не следует! Ну ладно, и других предовольно, хотя и их я вспоминать остерегусь, мало ли...

«Обидно, поди, Нижнему, — подумал я, глядя сквозь дыры в крыше на обкусанный серп луны. — Прежде, как в бой идти, непременно старались его задобрить, о себе напомнить, чтобы если что, местечко получше приберег. Ну говорили, правда, что земля трясется от того, что Великий Нижний вздыхает, эпидемии от его зевоты делаются. А почему вулканы извергаются... ну, тоже как-то так, но это ж не со зла. А теперь вон как повернулось!»

Гнедой пофыркивал в темноте, переступал с ноги на ногу. Удрать не пытался, и на том спасибо. В моем положении непугливый конь — несказанная удача, пусть даже он немного хромает. Двигаться вперед-то нужно, а на конских четырех всяко быстрее выйдет. Добраться до какого-нибудь постоянного двора, коня подкормить, а дальше видно будет. Кстати, назвать

бы его как-нибудь... О чем я тут недавно думал? А!

— Везунчиком будешь, — сказал я. Гнедой фыркнул вроде бы согласно. Можно подумать, его мнением кто-то интересовался! — Ладно, посмотрим, что с нами дальше будет...

Я выгреб из кармана камешки. Не так уж много удалось найти подходящих, да и некогда было в ручье ковыряться. Ну, сколько есть. По пути еще насобираю, дело наживное. Жаль, конечно, был у меня когда-то заветный мешочек с любовно отобранной мелкой морской галькой, ровной, на загляденье, любых цветов на выбор... Сам искал, что-то откладывал потом, добавлял другие, если чувствовал, что нужно стало, — это у нас в порядке вещей было, да оно и понятно: ты себе гадать станешь, ты и позаботься о том, чтобы судьба криво не легла! Понятно, настоящие гадалки — у тех все куда серьезнее, мне их обряды неизвестны, но к ним и обращались нечасто, только с важными делами. Ну а на каждый день непременно у каждого свой мешочек имелся. Где он теперь, тот мешочек!

Первым делом я вознес короткую, но прочувствованную молитву Всеприсущим, всей старшей шестерке и Великому Нижнему — по отдельности, а также младшим богам и богиням, которым несть числа — всем скопом. Все равно я и половины их имен не упомяну, а кого не назвать — обидится, чего доброго. Лучше уж так.

По-хорошему следовало бы принести жертву. На худой конец, окропить камни собственной кровью, но я решил обойтись: чего доброго, Везунчик взбесится, этого только не хватало! Потом придумаю что-нибудь. А пока, надеюсь, Всеприсущие и так не разгневаются. Была им охота обращать внимание на мелочь вроде меня!

Ну а теперь можно и приступать. Света действительно было достаточно, чтобы вычертить ножом на утоптанном земляном полу три относительно ровных круга, один внутри другого. Я подбросил камешки и с интересом уставился на расклад.

Надо же! Даже в таком вот халтурном исполнении старинный способ работал. Довольно крупный темный камень (он, как я решил с самого начала, будет изображать меня), лег почти точно в середину внутреннего круга, как ему и полагалось. Чуть поодаль — небольшой желтоватый камешек с блестящими вкраплениями слюды. Тоже все ясно: прибыль. Это, значит, моя мародерская добыча и, наверно, Везунчик, хотя его покупка изрядно опустошила мои карманы. Все, на день сегодняшний больше ничего. Светлый окатыш с извилистой бурой полосой лег на границу между первым и вторым кругами — это понятно, это дорога, она продолжится и завтра, тут удивляться нечему.

Во втором круге, обозначавшем ближайшее будущее, оказался угловатый осколок незнакомой породы красноватого цвета. А это нехорошо, это, скорее всего, к опасности. Мне не привыкать, конечно, но лучше держать ухо востро, потому что, какого рода эта опасность, неизвестно. Хм, да мне ли она угрожает? Впритирку с этим камешком лежал другой, розовато-белый, полупрозрачный. Баба. Вот к настоящей гадалке не ходи — баба! И думай теперь: то ли это ей что-то угрожает, то ли мне надо держаться от любой женщины как можно дальше... А если первое, то какое она ко мне имеет отношение?

Я помотал головой: увлекся, Север! Знаешь же, что гадалка из тебя так себе, ну и не заглядывай чересчур далеко, запутаешься! Понял, что от женщин лучше держаться подальше, и хорошо... Можно подумать, ты раньше этого не знал. Вот и достаточно.

Что тут еще? Вот голубоватый камешек, не могу пока даже предположить, что он может обозначать. Вполне вероятно, что ничего, так тоже бывает. И еще один с блестками слюды — опять прибыль? Не жирно ли будет?

А в третьем круге оказалось пусто, все остальные камешки рассыпались за его пределами. Дальнее будущее мне открываться не спешило, и это очень странно. Ну не помню я такого! Хотя что-нибудь, да попадало в третий круг непременно! Хотя... если пораскинуть мозгами и вспомнить, о чем бабки болтали, можно сделать вывод: само наличие дальнего будущего зависит от будущего ближайшего. Вот и крутись теперь, Север. И баба тут какая-то, и добыча непонятная, и дальше — неизвестность.

— Ну, — сказал я, поняв, что больше толкований придумать не могу, — хватит на сегодня.

Я собрал камешки, потрепал по морде Везунчика. Пристроился в том углу, где было посуше, и начал так и сяк крутить в голове полученную картинку. Тянуло раскинуть камешки еще раз, но этого как раз делать нельзя. Помню, когда-то приятели подбивали меня — мол, давай еще разок, да на меня, да на вон того парня... И я замучился им объяснять, что гадать могу только на себя, я ведь ненастоящий гадатель, может, больше придумываю, чем вижу на самом деле.

А если не получается, так дважды раскидывать смысла нет. Вдобавок один и тот же вопрос задавать нельзя, после этого камешки можно выбросить, больше не отзовутся... Мне надоело объяснять это всем, кто просил погадать, надоело твердить одно и то же, и я попросту стал гадать тайком. Так было намного проще.

«Хорошо, — усмехнулся я про себя, — что теперь мне не от кого прятаться...»

Даже если Сивого и снесало вполне понятное желание обобрать путника (а он не мог не понимать, что деньги у меня еще остались), он его сдержал и правильно сделал. Я ведь все равно не спал, а спал бы — грохот засова и скрип петель мертвого поднять могли!

В утреннем свете Везунчик выглядел, как мне показалось, немного лучше. Наверно, стоило остаться здесь на несколько дней, но мне не хотелось: и сам могу влипнуть, и Сивого подставить, а он мне ничего дурного не сделал. Даже вон волчий хвост от шубы притащил. Облезлый, как и обещал.

— Ну и на кой он тебе? — спросил в очередной раз, глядя, как я привешиваю это сомнительное украшение на пояс.

— Пригодится.

Насколько я помнил, считалось, что от волчьего запаха лошади шарахаются, вот пусть так народ и думает, если вдруг тарарам случится...

Мой гнедой, правда, даже ухом не повел. Ну, если он от меня удрать не попытался, что ему какой-то облезлый хвост? Тот, поди, давно одним Сивым пахнет, а не волком!

Под седлом (рачительный Сивый сохранил всю сбрую, даже попону вычистил) Везунчик выглядел уже не доходящим одром, а вполне приличным конем, хоть и недокормленным. Верхом я, правда, взгромоздиться не рискнул: весу во мне прилично, этак я конягу окончательно уморю. Придется пока вести его в поводу, а там посмотрим!

— Ну, бывай, — буркнул Сивый, проводив меня до дороги одними ему ведомыми сухими тропками.

— Бывай, — ответил я, подумал и добавил: — Ты вот что, дядя... В лес пойдешь — по сторонам смотри.

— Так нету волков, — недоуменно ответил он. — Я ж говорил...

— Волков нет, есть кто похуже. В трех днях пути отсюда армию мертвяков разгромили, да только не всех выловили, — сказал я чистую правду. — Сколько-то их по лесам разбрелось. Так что смотри, а лучше нюхай — их за версту учуешь. Жаль, собаки у тебя нет!

Что у него нет собаки, мне было очень по душе, но это другое дело.

— Кормить-то ее чем, собаку эту? — вздохнул Сивый, и тут до него дошло, о чем я толкую. — Мертвяков?! Ах ты ж... Вот ты от чего сбежал-то!

— Ну, — хмыкнул я, — как увидел, так сразу и подумал: чего это я тут позабыл? Так и сделал ноги! В общем, поглядывай. И учти, они не шибко быстрые, завидишь или учуешь — лучше драпай, особенно если их несколько. Не догонят.

— А если к дому подойдут? К ограде? — всполошился он.

— Вот тут уж не знаю, — честно ответил я. — Огня они боятся, только в костер ты их не заманишь. На кусочки только порубить да сжечь... Если один окажется, то, может, и выйдет. Да ты не переживай раньше времени. Я вон, молодой и здоровый, сюда сколько времени тащился, а они по такой грязище и вовсе завязнут. Просто говорю, клювом попусту не щелкай. И своих поодиночке куда не отпускай.

— Да неужели пушу, — посерьезнел Сивый. — Надо к соседу сбегать, предупредить. Дальше пусть передаст. Вот за это благодарствуй, Север. Тут не ведаешь, какой напасти ждать! А если знаешь, оно уж как-то полегче!

— Ну, удачи, — усмехнулся я и зашагал прочь. Везунчик послушно шлепал за мной. Не

так уж он сильно хромал, если подумать...

— Придума-ал!.. — донеслось сзади. — Смолой! Смолой облить и подже-ечь!

«Вот-вот, — подумал я. — Самое милое дело — смола... Тьфу, пропасть! Извини, Великий Нижний, не могу отвыкнуть тебя поминать. Дело мое такое, уж ты побереги мне местечко...»

Мы с Везунчиком тащились по этой паскудной дороге еще несколько дней. Спасибо, воды хватало, корма тоже, а от ходьбы мой конь вроде бы даже и повеселел. Не иначе, застоялся сверх всякой меры.

На исходе четвертого дня показался постоянный двор, о котором говорил Сивый, и где я надеялся передохнуть и привести в порядок Везунчика.

— Это где ж ты такого одра оторвал, парень? — было первым, что я услышал, войдя в ворота.

— Где оторвал, там больше нет, — беззлобно ответил я, поискав взглядом конюшего или кто там у них. Нашел, отловил мальчика за ухо и серьезно сказал: — Вычисти-ка моего жеребца как следует, напои и задай полную меру овса. А если знаешь какого-нибудь приличного коновала, то приведи, я заплачу, понял?

— Ага! — кивнул он и увел Везунчика.

Мне самому соваться на конюшню не стоило, и так упряжная кляча какого-то водовоза попыталась удрать, а пожилой мул чуть не сорвался с привязи... Ладно еще, народу тут было достаточно, и со мною этот переполох никто не связал.

— Есть свободные комнаты, господин, — сообщил хозяин. — Только... это... оплату бы вперед.

— Не сомневайся, любезный, — хмуро ответил я. Деньги таяли, как снег по весне, а ведь еще и коновалу платить придется! — Заплачу.

— Столоваться изволите?

— Нет. Обойдусь. Коня только бы обиходить.

— Об этом не извольте беспокоиться, — хмыкнул он и вдруг подмигнул: — А может, девицу, а?

— Какие девицы? — устало спросил я. — У меня денег едва-едва хватит расплатиться за постой да за корм для жеребца, а ты...

— Ну я же по-честному, — пожал хозяин плечами. — Если что, вон есть Забава, ей и денег не надо. Всякому новому лицу рада, но дурковата, это правда. А есть Веселка, та недорого берет, но, скажу я вам, такая искусница!

— Сил у меня нет, — честно ответил я. — И денег, повторяю, в обрез.

— Ну как скажете, — поджал он губы. — Еще чего изволите?

— Изволю, — мрачно сказал я. — Сапоги мне новые нужны, это раз. А два — одежду постирать. Это у вас можно?

С этим живо сладилось, а потом подошли и коновал, пожилой дяденька с говорящим именем Живохват. Вообще для меня тут почти все имена говорящие: я же нездешний, поэтому перевожу прозвания в уме. Может, по-здешнему оно и обычно звучит, но мне кое-что иногда кажется забавным.

— Жилу конь ваш повредил, — сказал он. — Давно уж, в начале зимы, не иначе.

Я кивнул: это совпадало с тем, что наплел Сивый.

— Бегать будет?

— Небыстро, но будет, как отъестся, — пожал плечами Живохват. — Его бы сразу в руки

хорошему коновалу, так и не хромал бы вовсе, а теперь... Что ж вы так его запустили, господин хороший?

— Так не мой он был, — усмехнулся я и выложил правдивую историю: мол, своего коня лишился, а этого купил у крестьянина... Далее все было чистой правдой.

— Ну раз так, то повезло ему, — согласился коновал, оттирая руки. — Жеребец молодой еще, лет шести или семи, вряд ли больше, сильный. Раз до сих пор не пал, то и дальше вытянет.

— Только жрет как не в себя, — встрял мальчишка с конюшни.

— Заплачу, — сказал я. — Тебя бы всю зиму впроголодь продержат, посмотрел бы я! Смотри, чтоб не переел, вот что...

— А то я первый год тут служу и не знаю, как за лошадьми ходить! — обиделся он, и мы разошлись.

Ну что ж, по итогам этого дня я оставался в выигрыше. Правда, деньги таяли со сказочной скоростью, но тратил я их на Везунчика, не на себя. Нет, на себя тоже, но в меньшей степени: за постой тут брали недорого, столоваться я отказался, ну так что с меня, такого прижимистого, еще взять? Девушки похаживали, правда, покачивали тугими боками, но я на них даже не смотрел: так вот взглянешь, а потом окажется, что должен заплатить и за погляд, и за поглад... Знаю я эту манеру, так что нечего! Да еще я все время вспоминал свой расклад и решение держаться от женщин подальше. А то кто знает, может, именно такая вот трактирная деваха на меня беду наведет?

Девки, правда, были красивые, справные. Наверно, потому постоянный двор и уцелел, что здесь прилично кормили, пива наливали неразбавленного, ну и эти вот... крутобокие шастали. Конечно, если кому что в голову взбредет, то и это не остановит, но у приличных людей, как я помню, зазорным считалось такие заведения золой пускать.

Здесь бы и разжиться кое-какими сведениями, но я подумал и не стал ввязываться. Это меня бы впору расспрашивать о том, кто кого победил, я же с той стороны шел в тыл, но толку-то? Я ведь со своими мертвяками в резерве стоял, только не пригодился тот резерв. Ну, растоптали небольшой отряд, и что? Как хозяина моего убили, я сам не видел — это от кого-то из его подручных посланник прилетел с сообщением. Не знаю даже, куда он потом делся, не до него было. А что еще там происходило, понятия не имею...

В общем, на постоялом дворе я проторчал еще три дня, больше показалось опасно. Везунчик немного отъелся, отдохнул и уже не напоминал мешок костей. Коновал сказал, что всадника он вполне выдержит, я и рискнул, взгромоздился верхами. И ничего! Остальные лошади во дворе от меня если не шарахались, так уж потели или дрожали, а Везунчику хоть бы что. Ну сидит в седле очередная орясина и сидит, ему что? На редкость невозмутимый конь попался. И выученный — слушался и узды, и вообще любого моего движения. А что чуть прихрамывал, этого я и вовсе не замечал. У какого иноходца шаг еще и не такой.

Вот мы и двинулись дальше. Там уже места были более людные, но меня особенно не задевали. Ну, едет человек на хромом коне, сам, похоже, раненый (это я удачно кособочился), инвалид, видать, что с него возьмешь? Меня и не трогали. Если бы не Везунчик, я бы и не останавливался нигде, но нужно было дать коню роздых, вычистить его и прочее, что полагается.

Вот вам задачка — на лошади я передвигаюсь скорее, чем шел бы пешком (а Везунчик то трюхал ровной рысью, явно походной, привычной, то переходил на шаг, и моего вмешательства для смены аллюра ему не требовалось), но за ней нужно ухаживать. Один я

иду медленнее, зато и забот меньше. Увы, я так и не решил проблемы с обувью. Ну не попадались сапожники! Так что без лошади обойтись не мог...

— Что, друг мой Везунчик? — спросил я у жеребца, прежде чем выбрать очередную дорогу на развилке. Тут я решил спешиться, дать ему передохнуть и заодно подумать, куда двигаться дальше. — Двинем на северо-запад, просто на север или на северо-восток, а?

— Бр-х-х! — ответил он.

— А может, вернемся обратно?

— Бру-ху-ху! — сказал Везунчик и чувствительно прихватил меня за ухо.

— Понял. Тогда поедem на север. В конце концов, меня именно так зовут, — усмехнулся я, взгромоздился верхом и направил коня прямо.

В самом деле, если уж куда и отправляться, так на родину! Меня там, конечно, давным-давно никто не ждет, вряд ли и вспомнят, но все-таки знакомые места... Может быть, даже отыщется кто-то из родственников... Нет, я вовсе не горел желанием объявляться у них в гостях, просто приятно было бы знать: наш род еще не прервался!

Мечты, конечно, но почему-то когда я думал о том, что кого-нибудь из мальчишек зовут так же, как меня, мне становилось чуточку веселее, а в родные края тянуло сильнее.

Мое настоящее имя — Ньорт, у нас в роду так называли каждого третьего, по-моему. Теперь нужно прибавить к этому десяток имен предков, звучащих в том же духе, и получится то, что нужно. Увы, когда я, самый младший сын среди дюжины прочих, ушел из дома и прибил к одной веселой компании, никому не оказалось дела до моих славных пращуров, так что я остался просто Ньортом. Но это было давно и в других краях, а в этих меня будут называть просто Севером, от меня не убудет...

— Какая ты скотина, — сказал я Везунчику, повернув в очередной раз. Не привык я к таким лесам, не люблю их — подлесок густой, ничего за поворотом не увидишь! — Не мог предупредить!

— Бро-хо-хо! — ответил он и, клянусь, покосился на меня с иронией.

Я и в самом деле не собирался встречать в подобные дела, а чувствовалось, что придется. Там, посреди большой дороги, творилось сущее непотребство: несколько крепких ребят сноровисто вязали симпатичную (насколько я успел разобрать) девушку. Остальные так же сноровисто допинывали юношу, по виду ее ровесника. Тот довольно ловко уворачивался и даже норовил дать сдачи, но видно было, что долго ему не продержаться.

— Проезжай! — рыкнул на меня один из деловитых молодых людей, видимо, старший. — Чего уставился?

— Помогите... — прошептала девушка, глядя на меня огромными, полными слез глазами. — Ну пожалуйста, хоть кто-нибудь...

Юноша ничего не мог сказать, ему уже успели воткнуть кляп.

«Вот тебе и неведомая баба...» — мелькнуло в голове, и я невольно нашарил в кармане бело-розовый камешек. Вмешиваться я не желал совершенно, отсалютовал всей честной компании и собрался проехать мимо, но, на свою беду, начисто забыл, какое действие оказываю на лошадей...

Для начала понес жеребец главаря: бедная девчонка рухнула под копыта, и если бы не я, быть ей затоптанной! Потом рванули остальные лошади — то ли за предводителем, то ли от меня. Везунчик посмотрел на них, как на ненормальных, даже на меня оглянулся, мол, что за притча? Я только плечами пожал.

В общем, через несколько минут вокруг было пусто, лежал в грязи под копытами моего

гнедого избитый парень, и плакала на луке седла девчонка. Вот только обузы мне не хватало!

— Эй, ты кто? — спросил я, ссадив девицу наземь (нечего, Везунчик одного меня еще с трудом таскает) и как следует встряхнув. — И чего тем ребятам от тебя нужно?

В общем, я мог бы и так угадать: вместо ответа она возрыдала и кинулась в грязную лужу добывать юношу. Стало быть, передо мной либо сбежавшая с неподходящим женихом невеста, либо что-то близкое к этому... В любом случае я могу неплохо заработать, доставив заблудшую деву к отцу или кто у нее там имеется.

С другой стороны, проделав это, я могу огрести неприятностей: чего доброго, там не станут разбираться, я ли сманил дитя из дома или этот вот индивидуум, что валяется под копытами у Везунчика. Отсюда вывод: надо драпать отсюда со всех четырех конских копыт, пока не опамятовались и не вернулись те бойкие молодые люди, которым так понравилась девица... Жаль только, мне не удрать: хромой Везунчик не уйдет от сытых и крепких лошадок преследователей... если те сумеют сладить с обезумевшими конями, конечно. Ну так по следам найдут!

Оставалось только допрашивать нежданно доставшихся мне пленных.

— Ты кто такая? — повторил я, глядя на девицу.

Ух, не хуже тех, крутобоких с постоянного двора! Разве что физиономия не круглая и в веснушках, а вроде бы даже породистая. Еще лишние проблемы!

— Княжна-а... — прохныкала она.

— Какая еще, ко всем богам, княжна?!

— Княжна Алицийская-а-а...

Вот тут-то бы мне прекратить допрос, догнать тех молодчиков (или, опять же, найти по следам) и вручить им девушку, но я не устоял.

— А это что за хрен?

— Мой жени-и-их...

— Ничего не понимаю, — сознался я. — Ты — княжна. Это — твой жених. Те парни вам кем приходятся?

— Это стражники моего отца, — выдала девица. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не отдавай нас им!..

Я понял, что влип.

— Так. Как вас зовут? Обоих? Да, выуди этого парня из лужи, если сумеешь. Я туда не полезу, и так грязный...

— Я — Злата, — ответила она, всхлипывая. — А он — Золот.

— Парочка на погляденье, — мрачно сказал я. — И что им от вас нужно?

Ну и так ясно, что это не почетный эскорт. Просто решил удостовериться, что все понял правильно.

Удостоверился: папенька Златы послал стражу вернуть загулявшее дитяtko. А дитяtko намеревалось сочетаться браком с этим вот Золотом, причем незаконно, поскольку законно тому ничего не светило. Ну кто всерьез рассматривает в качестве супруга единственной дочери какого-нибудь пятнадцатого сына дальнего владыки, да еще хорошо, если законнорожденного, а не прибудыша какого-то? Однако Злата оказалась девицей упорной, вот и устроила побег...

— Ты как, — потыкал я мыском сапога парня, — не раздумал жениться?

Судя по его мычанию, не раздумал. Вот ведь недоумок! А может, рассчитывает, что суровый князь сменит гнев на милость и отсыплет дочурке приданого? Кто его разберет...

— Тогда сиди тут, сторожи свою девицу. А я схожу посмотрю, далеко ли кони ваших друзей занесли, — сказал я и тяжело вздохнул. — Пойду, в общем...

Смотрел я недолго: сытые кони взяли с места в галоп, а когда их сумели заворотить, не знаю: я дотуда не дошел. По-хорошему, мне бы скрутить этого паренька, кинуть девчонку поперек седла да и привезти к батюшке. Но я ведь уже думал: мне же может и перепасть как пособнику или еще как-то. Зачем мне это?

Стало быть, бросить этих двоих, пусть бегут, как умеют, при чем тут я? Мне самому бы убраться подальше! Ведь предупредили камешки о беде, да кто ж знал, что так обернется... Впрямую-то они ничего не говорят. Вернее, я толковать не умею. Так, едва-едва...

Не вышло, однако, уехать. По возвращении я застал дивную картину: вполне уже очухавшийся после драки (то есть избиения) Золот тянул Везунчика за повод, вынуждая сделать хоть шаг, а Злата манила коня пучком прошлогодней травы.

— Ну же, хорошая лошадка, — услышал я, — хорошая! Иди сюда, иди! Ну скорее, давай же!

— Лошадка никуда не идет, — сказал я, отбирая повод у Золота. — Это моя, понимаете ли, лошадка. А с конокрадами в моих краях разговор короткий — руку долой. Ну? Пенька подходящего поблизости не видите?

— Нам... нам бы только выбраться... Лишь бы батюшка не достал! — заплакала Злата.

А и правда — Злата! Сама белокожая, косы золотистые, чуть не в пояс, губы алые, полногрудая, тонкотелая... Эх, княжна, попадись ты мне в моей далекой юности, твой дружок давно бы уже в канаве придорожной лежал!

— И это, конечно, отличный повод увести коня, — кивнул я, поглаживая Везунчика. — Тот довольно фырчал мне в плечо, мол, не сдал позиций. Ну и молодец, гнедой, потом сухариком угощу, недосуг сейчас за ним лезть. — Говорите сразу, может, вы чего-нибудь сперли? Ну там, фамильные драгоценности, столовое серебро или еще что?

Судя по их рассказу, сокровище у князя Алиции было одно — дочь. Вот ее и увел проезжий юноша. Темная история, не нравилась она мне. Что же это, княжна с первым попавшимся парнем удрала? Они явно о чем-то недоговаривали, но, в сущности, мне-то что за дело?

— Ну, — сказал я, выслушав до конца, — бывайте. Те ребята не скоро вернутся. — Разве только уже совладали с лошадьми, мог бы я добавить, но не стал. — Идите, куда хотели, а мне до вас дела никакого нет.

— Но помогите же нам! — взмолилась Злата, ловя мой взгляд.

Ах, какие у нее были глазищи! Синие, светлые, как лесные озера! Когда-то давно я бы в таких утонул, а теперь глянул и отвернулся.

— А чего ради? Неприятностей мне и своих хватает, только вас двоих осталось на шею повесить!

Оказалось, я личность незаменимая. Стражников разогнал — это раз (каким образом, девица, понятно, не знала, и хорошо). Два — у меня есть конь. У этих беглецов тоже был, но удрал с остальными вместе, да и далеко бы они уехали на одной клячонке вдвоем? Три — я человек опытный и вообще понимаю, что делать и куда прятаться.

На этом месте я чуть было не начал смеяться, но сдержался. Мне самому бы понять, куда деваться! Я не знаю, где тут свой, где чужой, кто чем живет... И вот, пожалуйста, спасай этих юнцов! А может, папаша Златы как раз прав, и нечего ей бегать по лесам и долам, а нужно выйти замуж за кого сказали и не взбрыкивать. А Золота надобно высечь на конюшне,

чтобы не сманивал благородных девиц...

Но что теперь, бросить их на дороге, что ли? Не научили меня такому.

— Ты, — сказал я Золоту, — иди вперед и смотри в оба. Нам лошади нужны, еще одна точно, а лучше две, так что ищи любой постоялый двор. — Как кони меня воспримут, я предпочитал пока не думать. — А ты, Злата, сидишь в седле и ничего не делаешь. И молчишь. Одно слово — полетишь в канаву.

— А ты? — тихо спросил Золот.

— А я веду Везунчика под уздцы, — охотно ответил я, — и слежу, как вы исполняете мои указания. Не знаю и знать не хочу, что там у вас произошло с родителями и чем это может закончиться, но если что — я ни при чем.

Они хором заверили меня, что им бы лишь убраться из владений Златинога папаши, а там уж никто не выдаст, но я не поверил. Зато использовал обоих юнцов, чтобы выведать, что сейчас происходит вокруг. Знание меня не обрадовало.

Когда-то в этих краях процветала империя. Большая, богатая, как полагается, это я помнил. Ну, стараниями моего хозяина (вернее, его предшественников, этому такие свершения не по зубам были) империя развалилась сперва на королевства, а теперь и вовсе на княжества. Мелкие такие, но гонору! А уж взаимных обид!.. Удивительно, как это они собрались отправить союзное войско навстречу моему хозяину. Не иначе, он настолько всех допек своими выходками, что договорились и об этом.

Так или иначе, тут куда ни плюнь — княжество. Еще полдня пути, будет уже не Алиция, а Олиния, к примеру. Или там Фойрон, это без разницы. Главное, оттуда беглецов не выдадут. Или выдадут, но за хороший выкуп и какие-то преференции. На то Злата с Золотом и рассчитывали, когда бежали.

Мне, если честно, вся эта история да политика даром не нужны, мне бы в общих чертах... Но эти двое так усердно нагружали меня знаниями, что скоро я уже без труда мог сказать, кому, кроме Златы, приходится родней ее бабка и все в том же роде. Ерунда, а вдруг пригодится?

Еще беспокоили те ребята, что чуть не скрутили Золота (он и по сию пору кривился и кособочился). Они покуда не появлялись, но кто их разберет? Лошади меня и в темноте перепугаются, оно даже лучше, понесут, не разбирая дороги, но я все же предпочитаю хорошо видеть, кто на меня бросается. Пусть у меня ночное зрение отличное, но мало ли?

— Я спать хочу... — жалобно сказала Злата, когда начало темнеть.

— И я, — вздохнул Золот. — Но лучше пойдем дальше, вдруг погоня?

— Ага, а мы с Везунчиком на ходу спать умеем, — хмыкнул я. Вообще давно пора было устраиваться на ночлег, но я не знал здешних мест, поэтому медлил. — Мы еще в Алиции?

— Не знаю, — вздохнула Злата и покосилась в собственный вырез. Красиво, красиво, мог бы я сказать, но промолчал. Мне эти вещи без надобности, я их оцениваю исключительно с эстетической точки зрения. Да-да, я и таких словес от хозяина набрался! — Хорошо, если нет...

— Ладно, сворачиваем с дороги, — решил я. — Вон тропинка какая-то. Посмотрим, что там. Вдруг жилье!

Жилья никакого не отыскалось. Почти до темноты шли, тропинка вскоре пропала, но Везунчик уверенно шагал вперед, и я ему поверил. В итоге мы выбрались на большую поляну, а на ней обнаружился вросший в землю дом. Старый-престарый, кровля давно обрушилась, стены прогнили, только зиял ход в подпол...

— Я посмотрю! — вызвался Золот и, прежде чем я успел хоть слово сказать, сунулся вниз.

Ну и вылетел оттуда как ошпаренный: глаза навывкате, челюсть трясется, слова, похоже, по пути прожевал!

— И что там? — спросил я.

Везунчик спокойно щипал траву на лужайке.

— Не-не-не... — сказал Золот и сел в мох.

— Я сам гляну, — отстранил я Злату и подошел к темному провалу.

Там было тихо, пахло грибами.

Я, ухватившись за балку (крепкая оказалась, почти не гнилая, на голову не рухнула), спрыгнул вниз и осмотрелся. Толку-то — ничего тут не было. И почему вдруг Золот так ошалел? Обернулся было сказать, что здесь безопасно, можно спускаться: хоть заночуем в относительной безопасности и сухости (не так тут оказалось сыро, как казалось), — но не успел.

В лицо бросилось что-то злобное, ожегшее холодом, пахнувшее открытой могилой... разбившееся о меня.

— Ты кто? — спросил я, озираясь. — Где ты, покажись? Я не причиню тебе вреда!

— Уходи отсюда! — расслышал я и увидел-таки какие-то полупрозрачные лохмотья. — Уходи!

— Еще чего! Это отличный подвал, я намерен тут остаться, и ты мне не помеха!

— Вот как?

И она появилась, это жуткое потустороннее создание, клочья плоти и ткани на непрочном костяке, кривая ухмылка черепа, облезлые пальцы с когтями...

— Слушай, перестань. Мне не страшно, а те ребята вообще тебя не видят. Напугать ты их можешь, но надолго ли тебя хватит?

— А ты, — чудовище остановилось, — ты меня видишь?

— Да, — неохотно ответил я. — Можешь прекратить притворяться.

— Я привыкла, — сообщило привидение, застыв на расстоянии вытянутой руки. — Я очень мерзко выгляжу?

— Очень. Может, примешь тот вид, в котором умерла?

Возникла пауза.

— Нет, — сказала привидение. — Никогда.

— Ну хотя бы стань такой, чтобы на тебя не противно было смотреть.

— Это я могу, — прозвучал ответ, и мерзкая харя напротив изменилась.

Она по-прежнему была полупрозрачной, но теперь я видел не облезлый череп, а хорошенькую маленькую синеглазую девушку с каштановыми волосами. На ней было... ох, сколько лет я не видел таких нарядов? Словом, она носила синее, затканное золотом многослойное платье с высокой талией и летящими рукавами и драгоценный убор. А еще она

показалась мне очень грустной. Ничего удивительного для привидения.

— Красиво? — спросила она и повернулась, взмахнув рукавами.

— Не то слово, — честно ответил я. — А ты и правда так выглядела?

— Знаешь, то, что ты меня видишь, еще не дает тебе права задавать подобные вопросы!

— А все же?

— Ну... почти, — призналась девушка-привидение. — Понимаешь, у меня никогда не было такого платья при жизни, так неужели я не имею права надеть его теперь?

— Думаю, имеешь, — серьезно ответил я. Ей было лет пятнадцать, не больше, и я мог только гадать, что же случилось с девочкой много лет назад. — И тебе очень идет этот наряд. Но все же, кто ты?

— А ты? Ты первый пришел в мой дом, так назовись!

— Меня зовут Север, — пожал я плечами. — Больше я ничего не могу сказать.

— Ты меня видишь, а значит, ты не простой человек. Остальные чувствуют, когда я их пугаю, но...

— Ну, пускай, — согласился я. — Я не простой человек. Я вижу то, чего не видят другие. Как тебя зовут?

— Эстриель. Княжна Ольсийская.

«Везет мне на княжон», — подумал я, а вслух сказал:

— Никогда не слышал об Ольсии.

— Я не удивлена, — ответила она. — Это ведь было давным-давно...

— Ну так расскажи, как ты очутилась здесь и почему пугаешь путников!

Это оказалась очень короткая и очень гнусная история. Ее выкрали накануне свадьбы, чтобы получить выкуп, вот и все.

— Наше княжество было бедным, — сказала Эстриель. — Но оно могло похвастаться храбрыми мужчинами!

— За тебя не заплатили выкуп? — сообразил я.

— Не заплатили. Они решили, что отобьют меня силой. И поймали всех, кто был причастен к моему похищению. И запытали до смерти.

— Идиоты, — фыркнул я с отвращением. — Ясно же, что исполнители не знали, где тебя держат! Кстати, откуда ты сама обо всем узнала?

— О, я слышала, — повела рукой Эстриель. — Знаешь, охотничьи рожки перекликались совсем близко, казалось, прямо у меня над головой. Только у меня был заткнут рот. Я не могла кричать, не то бы меня нашли. Уж собаки бы услышали! Они лаяли, а след взять не могли, я ведь не своими ногами сюда пришла... А вход в подвал спрятали так хорошо, что главарь сам, бывало, не сразу мог его найти. Ну и... один человек, тот, кто был посвящен в тайну этого места, пришел сюда через несколько дней. Он мне все и рассказал. Он хотел прикончить и меня, но у него не хватило сил — он умирал от раны. Где-то здесь должны лежать его кости...

— Их всех убили, — негромко произнес я, — а ты...

Она смотрела на меня, несчастный призрак, и в ее огромных глазах я прочел, как это было. Разбойников поймали и казнили. Кому повезло, того прикончили на месте. Княжну искали, но не нашли, хотя она была рядом, руку протяни!

А она — тут я рассмотрел наконец кости в углу, едва прикрытые ветхим тряпьем, остатки веревок, — она умерла в этом подвале, не в силах дозваться помощи. Совершенно одна — ее тюремщик скончался раньше, — от голода и жажды, и теперь только ее

мстительный дух витал на воле...

— Что с тобой сделали? — спросил я одними губами. — Что?..

— А ты не видишь? — горько сказала она.

— Ты понимаешь, о чем я. Тебя...

— Нет, что ты, — поняла меня Эстриель. — Я была слишком дорогим товаром. Так меня не трогали. Просто оставили связанной и... вот.

— Если я похороню твои останки, ты сможешь упокоиться? — спросил я.

— Не знаю, — задумчиво ответила она. — Я поклялась, что буду вечно преследовать моих убийц и их потомков... Ну, ты понимаешь. Что еще мне оставалось делать? Я так хотела умереть! А оказалось — это не просто слова, и я осталась здесь... Только сюда никто не приходит, а если кто является, убегает в ужасе! — Она помолчала. — Но ты попробуй. Я не отказалась бы обрести покой. Я могу выходить отсюда... совсем недалеко, только до опушки. Мне хотелось бы лежать там. Там очень красиво. Ты сделаешь?

— Конечно.

Я направился к ее останкам.

— Но все равно жалко, — капризно сказала княжна. — За последние... ой, много-много лет ты единственный, кто меня видит и с кем я могу поговорить! И сразу — в могилу!

Я помолчал. Несчастливая девчонка! Такая страшная смерть, несколько веков ожидания, а потом — небытие...

— Наверно, я смогу взять тебя с собой, — сказал я. — Правда, я никогда такого не делал, так, слышал кое-что... Но попробовать-то можно? Я похороню тебя здесь, но возьму что-то с собой, как тебе это?

— Надеюсь, — ответила она с истинно королевским достоинством, — ты не заставишь меня краснеть? Впрочем, девице, от которой остались одни кости, это уже не пристало!

— Тогда попытаемся, — серьезно произнес я. Не то чтобы мне нужно было ручное привидение, но... Эстриель могла напугать людей, а это нелишне, от меня-то самого только зверье шарахается. — Только ты не бросайся на моих спутников, ладно?

— Да зачем они мне? — пожала она плечами. — Но ты правда возьмешь меня с собой? Я же ничего не видела в своей жизни, Север! И пусть хоть так, хоть неживой...

— Не думай, будто теперь ты увидишь что-то хорошее. Жизнь нынче не слишком веселая. Но я тебя понимаю. Даже это лучше, чем небытие. Эстриель, учти, я не смогу разговаривать с тобой на глазах у других.

— А и не надо. Ты можешь шептать или вообще произносить слова одними губами, я пойму. Вот мысли я читать не умею, а жаль!

— Ничего, так обойдемся, — усмехнулся я, расстелил собственную куртку и начал аккуратно собирать в нее останки, стараясь ничего не потерять. — Ну что, идешь со мной?

— Конечно...

Когда я выбрался наверх, было почти совсем темно. Злата с Золотом сидели в обнимку, Везунчик невозмутимо пасся поодаль.

— Идите вниз, — я указал подбородком. — Больше там некому пугать.

— А ты колдун? — встрепелась Злата. — Ты прогнал злого духа?

— Я не колдун, но духа там больше нет, — терпеливо повторил я. — Идите и устраивайтесь на ночлег, а я тут посторожу.

— Я подменить могу, — сопнул Золот.

Симпатичный он был мальчишка: круглощекий, коренастый, светловолосый — в пару

своей княжне.

— Не надо. Идите уже, сейчас совсем стемнеет, а огня я разводить не хочу. В смысле, там, внизу, разводите, если желаете, а я так посижу.

На том и порешили.

Думаю, с голодухи ребята не скоро заснули — у них ничего с собой не было, а мне ведь только Везунчика накормить нужно, я на попутчиков не рассчитывал! Так что я сидел в тишине, слушал, не подберется ли кто. Никого в лесу не было, и на том спасибо.

— Знаешь... — сказала Эстриель, возникая за плечом. Я даже не вздрогнул: что мне одинокое привидение, я и не такое видал! — Ты не закапывай меня ночью. Я еще хочу посмотреть на рассвет.

— Мы же договорились...

— Ну а вдруг не получится? — резонно ответила она. — Подожди зари, хорошо?

— Конечно, — согласился я. Желание мертвой грех не уважить.

— Странно. Я все думала, думала, как бы отомстить. А теперь вот не знаю, хочу я этого или нет?

— А кому мстить? — спросил я. — Твоих похитителей давно убили. Заказчики умерли от старости. Родных поди разыщи...

— Если я наткнусь на кого-то, я их узнаю, уверена, — серьезно произнесла она. — И своих родичей, и потомков тех негодяев.

— Да, но что толку? Эти люди, поди, и не помнят, что в их роду была такая княжна Эстриель, пропавшая... сколько лет прошло, ты знаешь?

— Нет, — ответила она после паузы. — Я пыталась считать, но без толку, все время сбивалась. Много, наверно.

— Не меньше двух веков, — обронил я. — Ну, насколько я знаю, такие платья носили именно в те времена.

— То есть я старомодна? — вздернула подбородок княжна. — Эта вот... Злата... одета лучше меня?

— Не глупи, — сказал я. — Что толку мериться воображаемыми нарядами? Все равно тебя не видит никто, кроме меня.

— Твой конь видит, — сообщила она. И правда, Везунчик фыркал, когда привидение оказывалось рядом. — Но так все животные могут. И не у лошади спрашивать, идет ли мне платье!

— Да и я немногим лучше, — заметил я. — Ничего не понимаю в дамской моде, и вообще отстал от времени. Сильно отстал, Эстриель.

— Эсси, — сказала она и потупилась. — Меня так звали дома.

— Эсси, — повторил я. — Это имя больше идет тебе, чем полное.

— Мне нравится, как ты это произносишь.

— А у тебя был возлюбленный, Эсси? — спросил я.

— Не было, — вздохнула она. — Жених не в счет, я его видела-то всего несколько раз. Так... мечтала, как все девчонки. А потом...

— Я понял, — кивнул я.

— Ты где-то оставил невесту?

— Нет. — Я криво усмехнулся. — Не было у меня никакой невесты. Мать была, это да. Но я как ушел из дома, так и не возвращался. Не знаю, что с нею случилось.

— Север, откуда ты родом?

— Издалека, — ответил я и замолчал.

Эсси тоже молчала. Удивительное свойство для девицы — она чувствовала, когда не стоит задавать вопросов. Хотя это, наверно, потому, что она была привидением.

Что творилось в подвале, я не знал. Понимал только одно: я не желаю спускаться туда, где в дальнем углу капает вода. Именно этот звук сводил Эсси с ума много дней и ночей напролет, а она, связанная по рукам и ногам, не могла добраться до источника влаги. Нет, туда я не пойду...

А чем заняться до зари? Правильно, еще разок раскинуть камешки.

— Что ты делаешь? — заинтересовалась Эсси, когда я нашел проплешину в траве и начал вычерчивать круги. — Ой, нет, не говори, сама догадаюсь!

Я только усмехнулся, выгребая из кармана камешки. Кратко попросил богов вразумить и наставить, встряхнул камешки в горстях и высыпал наземь.

— Это гадание! — радостно воскликнула девушка. — Я помню! У нас жил такой важный старик-прорицатель, только у него были маленькие деревяшки вроде игральные фишек, и на них какие-то знаки! И кругов он не рисовал, просто смотрел, какие значки выпадут, и толковал их всякий раз по-разному...

Я кивнул: подобных гадалей я встречал и слышал, что их искусство родом как раз из наших краев. Только у нас были природные камни, а эти люди взяли несколько дюжин обозначений и смотрели на их сочетания. По мне, так это странно: на живом камне столько рисунков и прожилок, что вовек не сосчитать. А как зашифровать все на свете в каких-то десятках значков? Ну, им виднее.

— А еще у него были раскрашенные картинки, много-много. На них он тоже гадал, — продолжала Эсси. — Ты так умеешь, Север?

— Я и этак-то не очень, — вздохнул я, рассматривая расклад. — Помолчи пока, ладно? Никак не могу разобрать, что к чему...

— А ты думай вслух, — предложила она, усаживаясь напротив. Лунный свет проходил сквозь ее фигуру, и казалось, будто платье Эсси светится само собою. — Когда я не могла выучить урок, то рассказывала его кому-нибудь, хоть няне. Она почти ничего не понимала, конечно, зато у меня лучше в голове задерживалось! Вдруг и тебе поможет?

— Ну давай попробуем, — ответил я. — Так, смотри. Темный камень в самом центре — это я.

— Почему ты? — немедленно спросила Эсси.

— Потому что я так решил, когда его нашел, — терпеливо пояснил я. — В общем, если все сделано правильно, он всегда оказывается на этом месте. Если упал не туда, значит, гадание не удалось или вообще что-то идет не так.

— А-а... А вот этот? — Призрачная рука протянулась к другому камешку, и мне захотелось перехватить ее, я даже подался вперед. Девушка подняла на меня глаза. — Ты что, Север? Я не стану их трогать. Я же помню, наш прорицатель никому не позволял прикасаться к своим гадальным фишкам и картинкам. Говорил, после этого они потеряют силу. У тебя, наверно, тоже так?

— Ну, почти, — ответил я уклончиво. Не объяснять же привидению, что эти камешки постепенно становятся частью тебя? Не личной вещью, а именно частью... и расставаться с ними тяжело. И привыкать к новым — тоже. — Правда, не знаю, случилось бы что-нибудь, дотронься ты до них, ты ведь бестелесная.

— Лучше не проверять, — серьезно ответила Эсси. — Вдруг окажется хуже, чем если бы

это был кто-то живой? Ты не отвлекайся, ты говори!

— Ладно... — Я посмотрел на расклад. — Гляди, вот этот, желтоватый... ну, сейчас не очень видно цвет, я помню его просто, но как слюда блестит, рассмотреть можно, — это к прибыли. Опять рядом со мной лег, как в тот раз, когда я Везунчика нашел. Интересно, в этот-то раз что? Не Злата ж с Золотом мой прибыток! Что ты улыбаешься?

— Я тебе потом скажу, — пообещала она. — Продолжай!

— Это точно Злата, — указал я на бело-розовый окатыш, легший неподалеку от моего камня. Рядом с ним примостился невзрачный серенький обломок. — Вот, наверно, Золот. А это... — я повертел в пальцах уже виденный голубоватый камешек. — Это... не знаю даже.

— Может, я? — спросила Эсси лукаво.

— Может, и ты, — согласился я, поразмыслив. — Смотри, он совсем рядом с моим лежит. Если выйдет по-моему, так и должно получиться.

— А это что?

Я вздохнул. Красноватых осколков на этот раз выпало сразу три: один во внутреннем круге, два во втором. Там же оказался плоский серо-зеленый голыш (такими хорошо пускать по воде «блинчики») с темным узором. Еще во втором круге образовалась целая горка камешков, и разобрать смысл этого нагромождения я даже не пытался. Так, запомнил на будущее, что с чем оказалось рядом. Может, потом станет понятнее. Это частенько случается...

— Вон то — опасность, — наконец ответил я на вопрос. — И, насколько могу судить, серьезная. Только не вполне ясно, кому она угрожает — мне или тем двоим. Или всем нам скопом. Здесь...

— На ветки похоже, — сказала Эсси, разглядывая прожилки на камне. — Ну вот если встать под деревом без листвы и смотреть вверх, увидишь что-то вроде этого!

— Твоя правда, — согласился я, присмотревшись. — Ну, мы сейчас в лесу... И, судя по всему, выбираться из него не следует. Я и сам думал, что на большак возвращаться опасно. Вот только с конем здесь сложно пробраться...

— Может, найдется какая-нибудь тропинка, — пожала плечами девушка. — А что остальное означает?

— Вообще не понимаю, — сознался я. — Никаких идей. Ладно, там видно будет!

— Вон оно как... — протянула Эсси, когда я начал собирать камешки. — А наш прорицатель...

— Он этим на хлеб зарабатывал, — перебил я. — И, наверно, на мяса кусок тоже хватало. И на винишко. А я ж не для людей, я только для себя гадаю. И то скверно. Так чего ты от меня хочешь?

— А я разве тебя в чем-то упрекала? — удивилась она. — Я просто вспомнила, что он всегда давал такие... однозначные советы. А ты все время сомневаешься. И подумала: может, это у тебя правильно, а не у него?

— Ну уж не обвиняй старичка облыжно, — усмехнулся я. — Просто людям нравится слышать четкий ответ, а не что-то вроде... не знаю... «если пойдешь туда, то может быть так, сяк и еще вот этак, а если не пойдешь, то все повернется иначе». Это ж думать приходится! Гм...

— Я не обиделась, — заверила Эсси. — Наверно, ты прав. Но если бы он был настоящим прорицателем, то указал бы место, разве нет?

— Во всяком случае, мог бы подсказать, в какой стороне нужно искать и как именно это

делать, — подумав, ответил я. — Хотя, может, его и не спросили тогда. Как теперь узнаешь?

— Никак, — согласилась она. — Знаешь, Север, ты очень странно говоришь!

— В смысле?

— То есть вы все трое для меня говорите непривычно, — поправилась Эсси. — Но это и понятно, столько лет прошло, что даже речь изменилась... Но я о другом, Север. У тебя говор все время разный. То ты говоришь, как солдат, а то как крестьянин, даже словечки просторечные употребляешь. А иногда — совсем как благородный. Почему так?

— А... — протянул я. Однако! — Спасибо, что сказала, придется мне за собой следить. Просто видишь ли, сам я родом из глуши, правда, не сельской, приморской. Потом сколько-то с наемниками шатался, а при хозяине уже набрался этих вот... благородных манер. Оно все и перемешалось, похоже.

— Ну... может быть, и так. А расскажи... — начала она и осеклась. — Север, светает. Пора.

— Да, — ответил я и поднялся.

Место для могилы я выбрал на лужайке — тут будет светло и солнечно. Снял слой дерна, трофейным ножом обозначил контуры ямы... Копать пришлось руками и обломками досок, благо почва оказалась мягкой, а рыл я неглубоко.

— Великий Нижний, — сказал я почти неслышно, опуская останки Эстриель в мелкую могилу, — эта девушка ничем не успела прогневить тебя. Я понимаю, ей лучше будет в твоих владениях, куда столько лет не мог отлететь ее дух, но знаешь, я тоже слишком долго скитаюсь под этим небом, и мне одиноко. Прибереги нам с нею местечко! А пока, уж позволь, мы останемся здесь... Ты ведь не обидишься, Великий Нижний? У меня нет ни положенной жертвы для тебя, ни подношений, так уж получилось... Когда сумею, ублажу тебя, но вряд ли это случится скоро. Такая уж моя доля, тебе ли не знать!

Я засыпал могилу, положил на место срезанный дерн. Когда укладывал руки того, что осталось от княжны, поудобнее, левая ее кисть осталась у меня в ладони, и я счел это за знак.

— Ты здесь?

— Да, — ответила Эсси. Ее почти не было видно на утреннем свету. — Ты... ты меня похоронил? А я все еще тут... Получилось, как ты говорил?

— Посмотрим. Ты последи, чтобы мои ребята не вылезли. Не надо никому этого видеть.

Зрелище им в самом деле могло предстать неприятное: я распахнул на груди куртку и рубашку, вынул кинжал — не трофейный, свой, отточенный до бритвенной остроты, — выбрал место и спокойно сделал надрез.

За плечом ахнула Эсси.

— Перестань, — сказал я. — Тайника надежнее не найти. Сама понимаешь, кошель могут срезать, сверток — украсть, а то еще обронишь его, ищи тогда... Не бойся, тут ты будешь в сохранности.

— Ой, мама... — только и прошептала она, глядя, как я одну за одной прячу хрупкие косточки ее кисти.

Еще немного, и от разреза даже следа не останется, только потеки на коже и на лезвии кинжала.

— Север, кто ты такой? Почему?.. Ты меня видишь, ты можешь делать такие вещи... ой...

— Так уж вышло, — ответил я и поднялся. — Давай проверим, Эсси, выйдет ли у нас

что-нибудь?

Вроде бы вышло. Во всяком случае, привидение смогло преодолеть тот невидимый рубеж, за которым оставалось много лет.

— Значит, я теперь привязана к тебе? — тихо спросила Эсси.

— Не знаю. Мы же не проверяли, насколько ты можешь удалиться от меня, верно? Но в любом случае, едва только ты пожелаешь, я похороню твои останки и принесу жертву Великому Нижнему, чтобы забрал тебя насовсем и дал упокоиться с миром. Обещаю.

— По-моему, тебе можно верить, Север, — сказала она. — Пусть будет так. Я останусь с тобой, покуда не надоем... или покуда мне не надоест. Я тогда скажу тебе, а ты найди для меня место посимпатичнее. Вроде этой лужайки, хорошо?

— Конечно.

— Тогда иди и буди своих подопечных, — велела Эсси. — Они слишком долго спят, а солнце уже высоко, вам пора в путь!

— И правда что, — пробормотал я, направляясь к месту нашей ночевки.

Не удержался и обернулся: Эсси стояла возле Везунчика (а тому уже и дела не было до привидения, привык), и выглядела она совсем иначе, нежели ночью.

Не стало на ней дорогого, шитого золотом платья, и пышная прическа, украшенная драгоценностями, тоже пропала. Теперь это была обычная девчонка в простом светло-синем платье без единого украшения, с распущенными длинными каштановыми волосами и очень грустными глазами. Это ее похитили те подонки, не раззолоченную княжну... И я искренне пожалел о том, что время необратимо, а мерзавцы давно получили свое.

— Подъем! — гаркнул я, заглянув в подвал. — Пора в дорогу!

— Очень есть хочется... — были первыми словами Златы.

— И пить... — добавил Золот, помогая ей выбраться наружу.

— Там в дальнем углу вода сочится, поди напейся и с собой набери, — велел я и бросил ему полупустую флягу. — А жрать мне и самому нечего, так что потерпите. Небось какое-нибудь жильё по пути сыщется! Кстати, а деньги у вас есть?

Денег у беглецов не оказалось. Вернее, немного было, но им хватило ума спрятать все в седельных сумках. Ну, ловите теперь своего коня!

— Украшения? — скучным голосом спросил я. — Драгоценности? Еще что-то? Что можно продать?

И с этим оказалось негусто: пара цепочек и серьги у Златы, да кольцо у Золота. И я вовсе не был уверен, что это чистый металл. А с ерундой какой сунешься к перекупщику, тебе же еще и достанется!

— Север, — шепнула мне в ухо Эсси. — Ты их спровадь куда-нибудь, а я тебе кое-что скажу, я же обещала...

— А ну живо, — скомандовал я парочке, — поищите хоть ручей какой-нибудь, грязь смыть, а по пути надергайте травы Везунчику, не то он до завтра будет по былинке щипать! — И обратился уже к Эсси: — Что такое?

— Ты им солгал, что еды нет, — сказала она. — У тебя в переметных сумках есть сухари.

— Это только для Везунчика, — ответил я чистую правду. Ну да, прикупил немного на постоялом дворе. Раньше я всегда таскал в кармане сухарик, любил побаловать лошадей. Потом, когда они меня к себе подпускать перестали, привычка забылась. А теперь вот я вспомнил, очень кстати пришлось: уйди я с постоялого двора вовсе с пустыми руками, это показалось бы подозрительным. А так — какие-никакие, а припасы!

— А ты сам как же?

— Как-нибудь, — уклончиво сказал я. — Я долго могу не есть. Послушай, Эсси, ты ведь не затем велела этих малолеток прогнать? Что ты еще хотела сказать?

— У тех людей, — сморщила она носик, — тут что-то вроде склада было. Много разных вещей. Наверно, что-то ценное, иначе зачем бы они это так старательно прятали?

Следуя ее указаниям, я забрался в подвал и вскрыл нишу в стене. В одном Эсси оказалась права: барахла там отыскалось много... Наверно, когда-то это было златотканой материей, еще какой-то ерундой, а теперь мне под ноги сыпалась труха, а руки марала плесень. Под конец, правда, повезло: в самом дальнем углу нашлась еще одна ухоронка (мне бы ее сроду не найти, если бы не Эсси с ее способностью заглядывать сквозь стены), а в ней — изрядное количество серебра и даже золота. Серебро, правда, все больше в виде кубков и блюд (старых, потемневших от патины), но это уж мелочи, его и по частям продать можно.

Золота оказалось мало, всего горсточка украшений грубой старинной работы, но тоже, знаете ли, подспорье. Жаль, камней там было всего ничего и те скверной огранки. Кому-то вроде меня и не разобрать, стоящая это драгоценность или так, вроде булыжника... Вот монет почти не нашлось. Так, пригоршня набралась, самых разных. Я таких и не видал никогда. Должно быть, разбойнички тащили отовсюду, что под руку попадалось, вот и накопилось добра...

— Ну, на первое время хватит, — решил я, разложив добычу по кучкам и прикинув, как поудобнее уложить ее в седельные сумы. Выходило, что бряцать мы с Везунчиком будем, словно жестянщик какой-нибудь, но не мхом же серебро перекладывать? С другой стороны, почему нет?

— Это хорошо, — сказала Эсси. Она сидела поодаль, подперев подбородок кулачком, и наблюдала за мной. — А эти двое так и будут с тобою вместе?

— Не знаю, — честно ответил я. — Я бы избавился от них, но как? Пропадут...

— Тебе их жаль?

— Не особенно. Но и бросить не могу. Ну представь: приبلудилась дворняжка... раз погладил, второй, а теперь не выходит пинка дать!

— Так ты купи им лошадей, пускай едут дальше одни, — предложила она.

— Я и собирался это сделать, — усмехнулся я. — Надо только добраться до места, где, во-первых, найдется пара лошадок на продажу, а во-вторых, примут в уплату это вот серебро...

— А что потом? — допытывалась Эсси.

— Потом я поеду, как собирался, дальше на север, — пожал я плечами.

— Север едет на север... — протянула она. — А почему именно туда?

— Я там давно не бывал. Устроит тебя такой ответ?

— Отчасти, — кивнула княжна, и взгляд ее показался мне странно серьезным. — Ты скажи мне правду, Север... Я ведь не живая, никому не разболтаю! Я же вижу — с тобой что-то не так. Ты не человек, верно?

— Я — человек, — сказал я после долгой паузы. — Просто... Забудь, Эсси. Я странный, но я в самом деле человек.

Во всяком случае, мог бы я добавить, когда-то я точно им был.

Солнце быстро заволокло тучами, начал накрапывать дождь. На удивление мерзкая погода, будто и не весна на дворе, а поздняя осень!

Вернулись мои неожиданные спутники. Не знаю, чем они занимались в лесу, но ручей нашли точно: у Златы вымок подол, а замурзанная физиономия Золота сияла чистотой.

— Нету травы, — сказал он, демонстрируя жалкий пучок зелени. — Не выросла еще, холодно!

— Ага, — ответил я. Везунчик уже дожевывал то, что я насыпал ему в торбу. Корма оставалось маловато, даже с учетом того, что я купил на постоялом дворе, так что нужно снова выбираться к людям, только как-нибудь... в обход. — Эй, мальчики и девочки, вы вообще представляете, где мы находимся и сколько еще идти, чтобы выбраться из этой вашей Алиции?

Они переглянулись и замялись.

— Я помню карту, — сказала наконец Злата. — Алиция граничит с Фойроном по реке Фойре, нам бы только через нее перебраться!

— А что, с Фойры выдачи нет? — хмыкнул я.

— Отец с тамошним князем не в ладах, — пояснила девушка. — И лучше уж оказаться заложницей, чем идти замуж за этого... этого старого осла!

— Я понял, — заверил я. Свалились на мою голову... — Осталось выяснить, в какой стороне река и далеко ли еще до нее. Давайте, напрягитесь! И кстати, вы что, совсем ума лишились — пустились в бега по большой дороге?

— Так короче всего, — угрюмо сказал Золот. — Мы надеялись, что доберемся раньше, чем Златы хватятся, но то ли ее служанка проболталась, то ли нас по пути заметил кто... Догнали, в общем.

— Ясно. Тогда давай соображай, сколько вы успели проехать, сколько вам оставалось, в какой стороне река и как туда добраться, не выбираясь на большак!

— Ну-у... — почесал в затылке парень, а девушка начала комкать подол.

— Север, я хорошо помню эти места, — шепнула мне Эсси. — Я, в отличие от этих двоих, от учения не отлынивала... или спрашивали с меня строже! Уж где какой холм и речка, я знаю! Конечно, за столько лет что-то могло измениться, но...

— Это все равно лучше, чем ничего. Только ведь ты не сможешь начертить карту, — сказал я одними губами.

— Смогу, — улыбнулась она. — Ты просто повторяй за мной!

Я разровнял землю возле старого сруба, нашел щепку попрочнее, взглянул на Эсси.

— Повторяй, — напомнила она и провела пальцем по влажной глине.

Следа, конечно, не осталось, только едва заметная светящаяся линия — я поспешил прочертить такую же щепкой. Приноровиться оказалось несложно, и дело пошло. Эсси рисовала быстро — у нее и впрямь оказалась отменная память, — и вскоре на глинистом пятачке появилось грубое подобие памятных мне походных карт. Грубое потому, что щепкой точную линию провести сложно, но тут ювелирной работы и не требовалось.

— Вот, — сказал я, поблагодарив привидение кивком, — смотрите сюда. Злата, твое княжество, между прочим! Узнаешь?

— Когда-то и здесь, и за рекой были земли Ольсии! — фыркнула Эсси, но я не обратил

на нее внимания.

— Узнаю, — сказала Злата.

Золот молча кивнул.

— Это — Фойра. Давайте изобразите дорогу! Долго мы будем тут сидеть?

— Ну... — Парень взял у меня щепку, почесал в затылке и неуверенно наметил извилистую линию от реки вглубь Алиции. — Вроде так. Вот здесь столица... кажется.

Любопытно, он имеет какое-нибудь представление о масштабе?

— Мы где-то здесь, наверно, — показал он. — Мы проезжали холмы двое суток назад, наверно, вот эти самые, а нагнали нас только вчера.

— Быстро ехали?

— По такой-то дороге? Шагом... — вздохнул Золот. — Коня удалось взять не самого лучшего, а тут еще такая грязь!

Я прикинул в уме, какое расстояние они могли покрыть за день, попытался сделать привязку к карте, чуть не плюнул на это безнадежное занятие, но потом все же ткнул пальцем:

— Похоже, мы примерно тут.

Если двигаться с той же скоростью, то по дороге мы добрались бы до реки дня через три-четыре. Но поскольку я уже твердо решил идти в обход, то... трудно сказать. Я не знаю здешних лесов: если окажется, что тут полно бурелома, придется обходить завалы, потому что Везунчика бросить нельзя. Ну а если лес окажется вовсе непреодолим для коня, придется-таки выбираться на дорогу... Впрочем, не может же в княжестве проходить единственный тракт! Наверняка можно найти и другой, и проселок какой-нибудь... только все это отнимает время. А эти двое — я покосился на парочку беглецов — скоро вконец оголодают. И что прикажете с ними делать? Несколько сухарей положения не спасут, этого дня на два хватит в лучшем случае...

— Это что же... выходит, мы и полпути не одолели? — неподдельно огорчилась Злата.

— Выходит, так, — ответил я, поднялся и тщательно затер рисунок. Мало ли... — Ну, двинули. Чем раньше выйдем, тем раньше я от вас избавлюсь!

Золот только вздохнул, а Злата направилась к Везунчику.

— Ты что задумала? — поинтересовался я.

— Ну... я ведь поеду верхом, — сказала она удивленно.

— С чего бы вдруг?

— Но вчера...

— Вчера нам надо было убраться как можно дальше и как можно скорее, — ответил я, подбирая поводья Везунчика. Он дохнул мне в ухо и насмешливо покосился на Злату. — А сегодня мы быстро не пойдем, так что ты без труда за всеми угонишься. И еще, если ты не заметила, мой конь хромает, а по этому лесу и здоровая лошадь не враз пройдет!

— По лесу? — оторопел Золот.

— Если хотите, можете возвращаться на дорогу, — сказал я и повернулся к деревьям. Вроде бы вон там виднеется прогалина, попробуем пройти... — Только без меня.

— Мы с тобой! — тут же выпалила Злата и зачем-то схватилась за мой локоть. — Идем же!

— Идем, — усмехнулся я и повел Везунчика вперед. К счастью, девице пришлось от меня отцепиться: в лесу под ручку не погуляешь.

На счастье, подлеска здесь было всего ничего. Я посматривал под ноги, искал хоть

какую тропу: зверье ведь ходит на водопой, а ручей почти наверняка впадает в Фойру... «Север, ты дурак!» — сказал я себе и повернулся к Золоту.

— Вы ручей сегодня в какой стороне нашли?

— Там, — махнул он рукой чуть левее выбранного мною пути. — Недалеко совсем.

— Ага, — сказал я неопределенно и двинулся в указанном направлении.

— Ну что же ты так, Север, — хихикнула рядом Эсси. — Я-то думала...

— Лучше молчи, — предостерег я.

— Ты обиделся? — удивилась она, заглядывая мне в лицо. Странное это было зрелище:

Эсси парила прямо передо мной, не касаясь земли, сквозь нее я видел унылые черные стволы деревьев.

— Нет. — Ну какой, спрашивается, смысл сердиться на привидение девчонки-подростка? — Просто я не знаю этих мест. И в лесу ориентируюсь хуже некуда. Я к открытым пространствам привык. Ясно тебе?

— Ясно, — улыбнулась Эсси и оказалась у меня за плечом. Мне показалось, будто по щеке провели мягким перышком.

— Эй, — я чуть повернул голову. — Это ты сделала? Ты же бестелесная!

— Ну... — теперь она уселась боком в седло Везунчика и разглаживала платье на коленях. — Я могу до чего-нибудь дотронуться, только это трудно. Ты помнишь, вчера, в подвале?.. Ты что-нибудь почувствовал, Север?

— Ты пыталась меня напугать, но не прикоснулась ко мне, — ответил я.

— Это потому, что я все силы потратила на вон того недотепу, — кивнула Эсси на Золота. — Знаешь, как он лбом о поперечину приложился? Только звон пошел!

— А теперь ты эти силы восстановила? — поинтересовался я между прочим. Интересные способности у этого привидения, они очень даже могут пригодиться! Пускай Эсси невидима для людей, но если кто получит оплеуху от пустоты, точно оторопееет!

— Сейчас проверю...

Она исчезла, и почти в тот же миг Злата споткнулась и чуть было не полетела наземь, Золот едва успел ее подхватить. Насколько я успел разобрать, девицу будто с силой толкнули в спину.

— Эсси, — неслышно позвал я. — Эсси, ты где?

— Здесь... — Ее почти не было видно, она то появлялась, то снова исчезала. — Не... рассчитала...

— А нечего толкаться, — сказал я, когда ее рука легла мне на плечо и сделалась не вовсе уж прозрачной. Интересно, привидение набирается сил за счет близости к собственным останкам или ко мне самому? Как бы это проверить? — За что ты ее так невзлюбила? Бедная девчонка. Тоже княжна, к слову сказать...

— Она не княжна, — высокомерно ответила Эсси.

— То есть? — Я аж с шага сбился.

— Она не княжна, — повторила девушка.

— Самозванка?

— Ну отчего же! И в мои времена бывало, что какой-нибудь ушлый проходимец присваивал титул, на который не имел законного права, а третье поколение потомков уже и забывало, кем был их предок на самом деле!

— Ах да, — сообразил я. — Ты же сказала, что здесь раньше были земли твоего княжества... Интересно, что с ним случилось?

— Я была единственной наследницей, отец хотел выдать меня замуж за сына нашего соседа, — ответила Эсси, помолчав. — Тогда бы у нас появился сильный союзник, а мои дети унаследовали бы Ольсию. Но, наверно, когда меня не стало... То есть...

— Твой отец мог жениться еще раз, ради наследника-то, — заметил я.

— А куда бы он подевал мою мать? — нахмурилась она. — Он ее любил!

— Извини... Я почему-то подумал, что он был вдовцом. Но все равно, неужто он не мог найти... ну, племянника, еще какого-то родича?

— Наверно, просто не успел, — тихо произнесла Эсси.

Я промолчал. Что тут скажешь?

Ага, а вот и ручей. Что ж, вдоль его русла можно идти. Кустарник мешает, конечно, но не так чтобы очень сильно. Вот на сам берег лучше не ступать — топко. Еще не хватало, чтобы Везунчик поскользнулся. Да и самим шагать тяжелее.

— Ладно... — наконец произнес я. — Мы начали с того, что Злата — не княжна, и вроде бы даже выяснили почему. Неизвестно, что случилось с твоими родителями, но теперь вместо Ольсии здесь Алиция и Фойрон... и, может, еще что-нибудь. Это мне знакомо. Налетели стервятники и растащили, сколько сумели зацапать. Видимо, Злата — потомок кого-то из них, и вовсе необязательно предки ее были людьми благородными. Верно я понял?

Она кивнула.

— И манеры, Север. Ее не взяли бы в наш дом даже горничной!

Я покосился назад. Злата тащилась, цепляясь платьем за кусты и сучки, подол отяжелел от влаги, легкий плащ почти не спасал от мелкой мороси. Девушка почти повисла на руке Золота, и вид у нее был крайне жалкий.

— Ну знаешь, не уверен, что ты в такой ситуации выглядела бы лучше, — заметил я.

— Прежде всего, — задрала носик Эсси, — я не сбежала бы из дома с первым встречным.

— У них большая любовь, — поддел я. — И судя по всему, знакомы они с этим Золотом не первый день.

— А если бы и сбежала, — продолжала девушка, не слушая меня, — то позаботилась бы о том, чтобы одеться сообразно случаю. Взяла бы охотничий костюм, к примеру, чтобы походить на юношу, а еще теплый плащ и достаточно припасов... И уж точно не поехала бы по большой дороге, будь у меня даже самый быстрый конь!

— Может, у них теперь девицам не полагается рядиться мальчишками.

— Тогда тем более! — покосилась на меня Эсси. — Я бы обрезала волосы, украла одежду какого-нибудь пажа или слуги — и так выиграла бы время. Кто же сразу догадается, что благородная девушка решила переодеться юношей?

— И не пожалела бы такие кудри?

— Не голова, отрастут, — фыркнула она. — И уж денег бы я тоже прихватила. Или хоть свои драгоценности. И повторюсь: выбрала бы лошадей получше.

— Звучит так, будто ты сама планировала побег.

— Я как-то думала об этом, — согласилась Эсси, — когда читала одну книгу. Там как раз рассказывалось о девушке, сбежавшей с возлюбленным. Она дождалась темноты, вылезла в окно, спрыгнула ему на руки, он посадил ее на коня, и они умчались прочь... Я еще удивилась: в ночной сорочке она сбежала, что ли? Ночью, в грозу... И подумала: проще всего скрыться во время охоты. Тогда и костюм будет подходящий, и конь хороший, а припасы и деньги можно заранее где-нибудь припрятать. И сразу тебя не хватятся, потому что во время

больших выездов всегда такая суматоха... А когда хватятся, будет уже поздно.

А можно и просто поехать на прогулку и исчезнуть... правда, тогда надо как-то избавиться от провожатых, но это уж дело того мужчины, с которым ты решила сбежать! Но это годится, только если тебя не держат под замком. В этом случае придется придумывать что-то другое.

— Основательно мыслишь, — усмехнулся я. — А чем закончилось дело с той беглянкой из твоей книги?

— Я ее не дочитала, потому что героиня была просто глупой курицей! Кто же побежит от брака с богатым и знатным человеком, приближенным короля? Да еще с каким-то странствующим певцом! Если уж он так ей нравился, то выходила бы замуж, а певца оставила при своем дворе, все так делают...

— Ты какая-то очень неромантическая девица, — сказал я, переварив услышанное. — Может, ей тот богатый и знатный поперек горла был!

— Знаешь, я своего жениха не знала толком, — пожалала она плечами. — Вот только меня очень хорошо научили тому, что такое дочерний долг, а эта Злата о нем, похоже, и не слыхивала! — Эсси снова гневно фыркнула. Получалось это у нее крайне забавно. — А ее имя! С каких это пор в княжеских семьях детям дают крестьянские имена?

— Обычаи изменились, наверно, — вздохнул я. — Кто его разберет... Я-то вообще не местный, нашла у кого спросить! Кстати, а припасы-то у этой парочки были...

— Были, да сплыли. Нет, Север, как-то по-глупому они убежали, — сказала Эсси убежденно. — Ну ладно сама Злата, начиталась таких вот книг, должно быть... Но парень-то куда смотрел?

— Он, похоже, тоже... начитался. Или наслушался какой-нибудь ерунды. Легенд там, еще чего-нибудь.

— А ты теперь с ними мучайся, — ядовито произнесла она.

— Я сам не чаю от них избавиться, — сказал я. — Мне эта обуза даром не сдалась!

— Так брось их, — предложила Эсси. — Ты же хорошо видишь в темноте, да и я могу помочь. Уйдем ночью, они и не заметят!

— Ты очень добрая девочка, — пробормотал я. — Про приبلудившуюся дворняжку я тебе уже объяснял? Ну вот... А как через Фойру переберемся — и пусть катятся на все четыре стороны, мне с ними не по пути.

— А может, ее отец сейчас при смерти лежит, — продолжала она. — Любимая дочка пропала, ты сам представь!

— Я тебя понял, — поморщился я. — Смотреть лучше надо за дочками.

— За мной хорошо присматривали, — тихо произнесла Эсси. — Только это не помогло.

— Я не хотел тебя обидеть... Эсси? Эсси!

Нет, бесполезно. Она вернулась на спину Везунчика и больше не произнесла ни слова.

Я только плюнул. Конечно, во многом Эсси была права! Не думаю, конечно, что папенька Златы находился на смертном одре, раз уж нашел в себе силы и распорядился отправить за беглянкой погоню, но в целом...

Нет, Север, сказал я себе. Лучше не думай об этом. Бросать парочку нужно было сразу, а теперь уже поздно. Чем оставить их в лесу, проще сразу прикончить. И не потому, что их звери съедят, эти двое попросту отсюда не выйдут, заблудятся. Может, им и повезет наткнуться на чье-нибудь жилье, но кто сказал, что тамошние обитатели окажутся дружелюбными и гостеприимными? А если никто вовсе не встретится, так ребята с голоду

помрут. Или от простуды — вон, парень носом шмыгает, потому как свой плащ девице отдал и, конечно, уже промок...

— Север! — окликнул Золот. — Злата не может больше идти!

Я покосился на небо: солнца не было видно за тучами, но можно примерно определить, где оно сейчас. Времени, считай, за полдень, а мы прошли-то всего ничего! Плтемся как улитки... Этак мы до Фойры аккурат к середине лета доберемся!

Посадить Злату на Везунчика? Да как же... Он и так то и дело оскальзывается, а княжна — девица увесистая. Нечего на коня лишнюю тяжесть взваливать.

— Остановимся ненадолго, — решил я. — Ты, Золот, возьми-ка нож и лапника нарежь, не на земле же твоей ненаглядной сидеть! И подождите меня тут, я вперед пройду, посмотрю, что там и как...

Смотреть было совершенно не на что, мне просто хотелось побыть одному. Отвык я от общества живых людей (все больше мертвяки рядом топтались), да и груз ответственности мне непривычен. Да, теми же мертвяками я командовал, но что с того? Они с голоду не помирали, жалеть их смысла нет, потому как дохлятина и есть дохлятина, а кем они были раньше, мне неведомо. Может, кто-то был хорошим человеком, кто-то подзаборной рванью — какая теперь разница, если дух и того и другого давно греется у костров гостеприимного Великого Нижнего?

И вот пожалуйста: снова мне приходится командовать. Только не безмозглыми мертвяками, а более чем живыми (но от этого не менее глупыми) юнцами. Поскорее бы от них избавиться, право слово!

— Север... — шепнула Эсси.

Ах да, одному мне теперь остаться невозможно, я чуть не забыл!

— Там впереди кто-то есть...

Я прислушался. Тихо, только шелестит дождь, невдалеке журчит ручей, под ногами похрустывают гнилые ветки...

Налетевший порыв ветра принес запах. Своеобразный такой душок.

Я отстегнул ножны и осторожно положил их наземь — меч только помешает. Вынул нож, хороший, старой работы, перехватил поудобнее и медленно пошел вперед. Там, в зарослях ракитника, что-то темнело.

И я почти наверняка знал, что это такое...

— Север...

— Уйди, не до тебя, — произнес я одними губами, осторожно отводя от лица ветви.

Не знаю, обиделась ли Эсси. Мне в самом деле нельзя было отвлекаться.

Запах усилился, теперь к нему примешивался другой, более слабый, но отчетливый. И тоже очень знакомый.

Темная туша впереди заворочалась. Для волка великовата, да и не может здесь быть никаких волков, я говорил уже. Для медведя... запах не тот.

«Ну ладно, что тянуть!» — подумал я, проломился сквозь последний куст, отделявший меня от опасности, и оказался с нею нос к носу. Нет, вру. Мой нос находился где-то на уровне плеча этой самой опасности.

— Ньорт? — пророкотало сверху.

— Хадрисс?! — Я не успел опомниться, как оказался в могучих объятиях. — Твою мать, поосторожнее! Кости переломаешь!

— Прости, вечно забываю, какие вы хрупкие, — фыркнул он и выпустил меня.

— Ты как тут оказался? — спросил я, пряча нож.

— А ты? Я думал, вас всех положили. — Хадрисс сел наземь и шумно почесался. — А тут чую — запах знакомый, решил, мерещиться начало...

— Мой отряд уцелел, — пояснил я, присаживаясь рядом на корточки. Так я хотя бы мог посмотреть старому знакомому в лицо, не задирая голову. — Мы в запасе стояли. Ну и... сам понимаешь, там оставаться было нельзя, я и решил двинуть куда подальше.

— Вот и я тоже, — хмуро ответил он и снова почесался. Потом насторожился: — Это еще что?

— Кто он такой? — прошелестела над ухом Эсси. — Ты его знаешь, Север? Это ведь не человек, правда?

— Угу, — ответил я.

Физиономия Хадрисса менялась на глазах: выдалась вперед нижняя челюсть, глаза утонули под тяжелыми надбровными дугами, заострились уши... Он шевельнул ими, принюхался и довольно ухмыльнулся, показав крупные желтоватые клыки.

— Да ты, никак, собственным духом-хранителем обзавелся! — Слова его звучали немного нечленораздельно, что и немудрено, с такой-то пастью.

— Почти, — ответил я. — Слушай, ты не мог бы принять какой-то один облик, а? От этих твоих частичных превращений свихнуться можно!

— Ладно... — буркнул он.

— Он меня видит? — не отставала Эсси.

— Ты видел что-нибудь? — спросил я Хадрисса.

— У тебя за плечом мотается кто-то. Вроде бы дух, — сказал он уже вполне разборчиво. — Где взял?

— Случайно нашел. А слышать ты что-то слышишь?

— Не, — мотнул Хадрисс лобастой головой. — Вот сейчас я его и не вижу уже почти, так, чувствую едва-едва. А он что, еще и разговаривает?

— Она, — поправил я. — Ну, понятно... Звери привидений видят, люди — нет.

— Похоже на то.

— А... он кто? — опасливо спросила Эсси.

Клянусь, она пряталась у меня за спиной, хотя чего ей-то уж было бояться, ума не приложу.

— Оборотень, — ответил я.

— Ой... Я думала, это сказки...

— Много кто так думал.

Не верьте тем, кто говорит, будто оборотни превращаются в волков лишь в полнолуние. Может, конечно, и такие есть, да только я не встречал. Ну какой из Хадрисса волк? В человеческом обличье он на голову выше меня (а я та еще оглобля) и значительно шире, а уж силища у него вовсе непомерная. Вон, сидит, скалится, до глаз зарос черной курчавой бородой... Впрочем, у него и руки, и грудь — все в густой шерсти.

Оборачивается он, конечно, не волком, а какой-то непонятной зверюгой. В общем, если сейчас Хадрисса поставить на четвереньки, примерно то самое и получится. Да и превращения настоящего не происходит. Просто плоть как-то перераспределяется (каким образом, они и сами не знают), и оборотень опускается на четыре лапы, почти теряет возможность говорить (но не соображать!), зато обретает чудовищную скорость и возможность рвать противника клыками.

А если тот же Хадрисс обернется только наполовину и возьмет в руки меч или хотя бы дубину, я не завидую ни тем, кто попадет под его удар, ни тем, кому удастся подобраться вплотную. Я сам однажды видел, как оборотень цапнул одного такого шустрого за физиономию... Не знаю, в общем, выжил ли тот парень. Без лица это как-то проблематично.

— Далеко идешь? — спросил Хадрисс, поправляя кожаную безрукавку и одергивая короткие штаны. Ничего другого он никогда не носил, с одеждой у оборотней проблемы.

— На север, — ответил я. — Куда ж еще? А ты?

— А я, наверно, на восток подамся, — сказал он, подумав. — Подальше отсюда.

— А почему не домой?

— Ты что? — покосился он на меня. — Какое теперь «домой»... Я ведь всю стаю потерял.

Да, без стаи Хадриссу на родину лучше не соваться. Этак он мигом окажется на положении младшего в родном клане, а он ведь уже не щенок! Нет, не думаю, что ему так уж сложно будет завоевать достойное место, а то и выйти в вожаки, но... нужно ли ему это? Грызться с молодыми и борзыми соперниками, подминать их под себя...

— Всю? — повторил я, только сейчас сообразив. — И Вуррум?

— Я ее добил, — помолчав, произнес Хадрисс. — Ей задние лапы сожгло до кости...

Он жестом показал, откуда и куда. Ясно, ее было уже не вытащить.

— Она так выла... — добавил вдруг он, а я не нашелся, что сказать.

Сколько помню, они с Вуррум всегда были вместе. Кажется, у них даже родился сын, но о его судьбе я ничего не знал, поэтому поостерегся спрашивать. Хадриссу и так нелегко.

— Мне повезло еще, — сказал он после паузы. Эсси хранила потрясенное молчание. — Только лапу перебило, да шкуру подпалило. Выполз кое-как.

— Помочь лубок наложить?

— Не, — мотнул он головой, — зажило уже. Обернулся пару раз, вот и все.

Верно, я и забыл: на оборотнях все заживает очень быстро, а при превращении — тем более. Вуррум вот не повезло: при ее ожогах для заживления просто не хватило бы массы тела и сил на смену облика.

— Вот, — продолжил Хадрисс, — добрался досюда. А тебя чего в лес занесло? Ты ж человек человеком, шел бы себе по дороге!

— Обстоятельства, — вздохнул я. — Сам знаю, проще всего было бы прокаженным прикинуться, к такому никто не подойдет. Рожу тряпкой замотать, плащ накинуть...

— Э, ты не вздумай! — рыкнул он на меня. — Подойти не подойдут, издалека стрелами утыкают!

— Погоди, но их никогда не трогали, — нахмурился я. — Я же помню, еще когда хозяину не служил, в банде был, нам из города надо было смыться, а никак, на шумели слишком... Ну, мы поймали одного такого, пустили впереди — так нас не то что досматривать не стали, чуть не вприпрыжку побежали ворота распахивать! Тот мужик кочевряжился, конечно, мол, все одно к Великому Нижнему скоро, не стану душегубцам помогать... Только живо убедился, что если откажется, помирать будет долго и больно, куда хуже, чем от своей болячки.

— И кто ж его убеждал? — заинтересовался Хадрисс.

— Да нашелся у нас один умелец, — махнул я рукой. — Ему уж все равно было, проказа там или не проказа: у него гнилая горячка началась — стражники стрелой достали. Он хотел, чтоб хотя бы остальные живыми убрались.

— А-а... В общем, все равно не вздумай, — сказал оборотень. — Теперь сперва стреляют, потом разбираются. Боятся, что этак вот какой-нибудь колдун или кто-нибудь вроде меня переодеться может. Понял?

— Понял, — серьезно ответил я. Жаль, хороший план пропал! — Хадрисс, послушай... Ты ведь в лесу нипочем не заблудишься?

— Еще бы!

— Так, может, проводишь меня до реки? Я думал по ручью спуститься, но...

— Э! Этот ручей в болота уходит, я как раз с той стороны пришел, — перебил он.

— Ну вот видишь! Я в лесу ни на что не гожусь!

— Ладно, — сказал Хадрисс, подумав. — Провожу. Все едино торопиться некуда, а так хоть рожа знакомая...

— Только вот что, — остановил я. — Со мной двое людей и конь. Если ты сожрешь людей, я огорчусь, но не сильно, но если тронешь коня — обижусь всерьез. Ты меня знаешь.

Хадрисс громко фыркнул и засмеялся, блестя зубами.

— Охота была! — проговорил он. — Я позавчера оленя задрал. Тощий, правда, но даже я целиком не осилил. Там осталось еще. По такой погоде мясо вроде не сильно испортилось, сгодится.

— Спаситель, — искренне сказал я. Вот, значит, чем еще тут пахло! — Бери своего оленя и пошли. И еще — меня теперь Севером называют.

— Да хоть Югом, — отмахнулся он, копошась в кустах. — Веди, где там твой обоз?

— Пойдем. Меч только подбираю...

Когда мы выломились из кустов, Злата ахнула и обеими руками вцепилась в Золота. Спасибо, в обморок не грохнулась. Парень же подался вперед, закрывая девушку собой, и зашарил рукой по бедру — похоже, оружие искал. Правда, у него, кроме того ножа, что я ему дал, ничего не было, но как раз про него Золот вспомнил не в первую очередь. Поведение его показалось мне любопытным: это ребятам вроде меня все равно, что под рукой, а благородные первым делом за меч хватаются (или шпагу, неважно, какое оружие нынче в ходу). Хм, может, он и не вовсе безродный?..

Достойнее всего повел себя Везунчик: он только фыркнул и попятился, настороженно прядая ушами. Впрочем, что ему оборотень после нашего с Эсси общества!

В общем, я всех их понимал: Хадрисс выглядел очень внушительно. Не всякий день встретишь в лесу полуодетого громилу, с ног до головы заросшего буйным волосом, босого, да еще с половиной оленьей туши на плече! Туша была местами обглодана, но я на такие мелочи не обращал внимания и считал, что остальным тоже лучше не приглядываться.

— Не поверите! — сказал я. — В такой глуши знакомого встретил! Это Хадрисс, он...
ГМ...

— Лесник я, — пророкотал тот, сгружая свою ношу аккуратно под носом у Золота.

— Точно, лесник, — поддержал я. — Это Злата, это Золот, вон там Везунчик. Повезло нам, мальчики и девочки, Хадрисс проводит нас до Фойры!

Радости на их лицах не наблюдалось. Эсси тихо хихикнула: кажется, она уже перестала бояться оборотня, а может, ей просто нравилось смотреть, как перекосилось от испуга хорошенькое личико Златы.

— Уж не заплутаете со мной, — поддержал он. — Эк вас занесло! Ну да ничего, там подальше оленья тропа есть, по ней и пойдем. Там и коню в самый раз будет, чего по бурелому-то лазить... Север, развел бы ты костер, что ли? Похоже, твои ребятишки вот-вот от голода помирать начнут!

— Золот, живо хворосту собери, да посуше! — скомандовал я. Пришлось повторить дважды, прежде чем парень опамятовался и отцепил от себя руки Златы.

— Командир! — с уважением сказал Хадрисс, позаимствовал у меня нож и принялся разделять тушу. Ясно было, что сегодня мы уже никуда не пойдем: пока костер наладим, пока мясо зажарим, уже и на ночлег пора будет останавливаться. Ну, надеюсь, с таким проводником мы наверстаем упущенное... Впрочем, куда нам торопиться? — Фух, до чего ж тут весна гнилая, льет и льет, льет и льет... Ненавижу в луже ночевать! Да, Север, а чего ты парня за хворостом погнал? Вон у вас целая куча!

— Это, я так полагаю, не хворост, а лежанка, — взглянув на гору лапника, решил я. — Для сиятельной княжны. Ты смотри, шустрый малый, сколько нарезать успел!

— Угу, и навалил кучей, — фыркнул он. — Ты это, пока я тут по хозяйству, шалаш устрой, что ли? Смотри, с девки ручьем льет!

— И когда это я еще и нянькой заделаться успел? — проворчал я, но взялся за дело.

Шалаш на двоих — дело несложное, я управился как раз к тому моменту, как вернулся совершенно мокрый Золот с охапкой хвороста, а Хадрисс закончил резать оленину.

— Запаливай, — сказал он мне. — А я пойду помоюсь и кости подальше выкину.

Я видел, что на одной оленьей ноге осталось предостаточно мяса, и понимал, что это означает: Хадрисс собирался перекусить подальше от остальных. Он мог есть обычную человеческую пищу, но мясо предпочитал употреблять сырым.

Ну, это не мое дело, а его еще стоит поблагодарить за проявленную душевную чуткость: не уверен, что Злата не полезла бы с визгом на дерево, примись Хадрисс с хрустом грызть хрящики...

— Он вроде совсем не злой, — произнесла Эсси, до сего момента хранившая молчание.

— Оборотни вовсе не обязательно тупые чудовища, — ответил я, прикрывая ладонями слабый огонек. Ага, вроде занялось!

— А откуда ты его знаешь?

— Воевали вместе.

— С кем воевали?

Я покосился на нее через плечо и ответил правду:

— С людьми.

— погоди! — Эсси придвинулась ближе и заглянула мне в глаза. — Но ты ведь тоже человек! Станный, но не настолько, как Хадрисс! О чем же ты говоришь?

— Пойду коня напою, — сказал я громко, взял Везунчика под уздцы и повел прочь. — Золот, за огнем смотри! Погаснет — сам разжигать будешь!

— Ты не хочешь, чтобы они слышали? — спросила Эсси.

— Потрясающая догадка. Тебе бы в прорицательницы податься, цены б не было.

— Не смейся! Я ведь ничего не знаю о том, что тут творилось все эти годы...

Я промолчал и не произнес ни слова до тех пор, пока мы не добрались до ручья.

— Эсси, — сказал я наконец. — В твоё время о смертознах слыхали?

— Конечно, — ответила она удивленно. — Они с дальнего юга, их много было, и с ними все время воевали. Я даже могу вспомнить, с кем именно и когда. Ну, у нас их не бывало, только вербовщики часто появлялись, искали солдат, но никто не хотел идти. Говорили, в армиях смертознаев не только люди, там чудовища всякие и... — Она осеклась. — Север...

— Ну, продолжай, — подбодрил я, — ты все верно рассказываешь.

— Там были такие, как Хадрисс? — тихо спросила она. — И... ты тоже? Тоже пошел в такую армию?

Я кивнул.

— Но зачем?! — воскликнула она.

— Так получилось, — уклончиво ответил я. — Я был... так, серединка на половинку. То ли простой бандит, то ли наемник. А смертознай платил отменно. Попробовал бы не платить, у него бы половина войска разбежалась от его же собственных мертвяков!

— То есть?..

— Ну, мертвецов ходячих, — пояснил я. — Я ими командовал, кстати, потому что небрезгливый уродился. А Хадрисс... По правде, не знаю, чего его туда понесло. То ли на родине места не нашлось, то ли славы захотел, то ли повоевать всласть решил... Он никогда толком не рассказывал. Но вот — пришел, стал служить. А уйти... Уйти, Эсси, было не так-то просто.

— Потому что смертознаи — колдуны, — сказала она полувопросительно.

— И поэтому тоже.

— Они клятву брали? Или заколдовывали?

— По-разному. Неважно... Я не слишком хорошо знаю, что творилось в твоё время, — солгал я, — могу сказать только, что случилось теперь. Перебили смертознаев, и никакое колдовство им не помогло. У противника ведь тоже колдуны были, да и войско собрали большое... Наш с Хадриссом хозяин оказался последним, он в сражении погиб. Ну а мы, кто уцелел, попрятались. Сама понимаешь...

— Если кто-то узнает, чьей ты армии солдат, тебя убьют, — серьезно сказала она. — И Хадрисса убьют.

— Его в первую очередь, — спокойно произнес я. — Он же оборотень. Их и так-то всегда боялись, а уж смертознаева слугу тут же прикончат. Ты же его видела, ему не так просто за обычного человека сойти, вот и прячется по лесам...

— Да и ты на обычного человека, — передразнила Эсси, — не очень похож! Что лицом, что речью!

— Я родом из других краев, — терпеливо напомнил я. — Но ты права, мне тоже лучше не показываться. Пересижу где-нибудь, пока все не затихнет... Наверно, пару лет точно выждать придется: у хозяина было много нечисти, и вся она разбежалась, как он концы отдал. Долго еще ловить будут!

— А что потом? — спросила она.

— Всегда хотел посмотреть мир, — честно ответил я. — Потому и из дому ушел. Но как-то не заладилось, я все больше какие-то логова да дороги видел. Может, теперь что получится...

— Это хорошо, — серьезно сказала Эсси. — Я тоже хочу побывать в чужих краях. Я ведь никогда не покидала Ольсию! Удивительно, Север... Вот уж не думала, что моя мечта может сбыться вот так!

— И тебя несколько не беспокоит, что я служил смертознаю, зловредному колдуну? — поинтересовался я.

— Если ты наемник, для тебя нормально служить тому, кто больше заплатил, — хладнокровно ответила она. — Ты ведь сам не колдун? Нет? Ну вот! Да и все равно бояться мне нечего, я уже умерла, если ты не забыл.

— То-то ты от Хадрисса шарахалась!

— Ну, — смутилась Эсси, — я не ожидала такого... Но он в чем-то даже симпатичный, разве нет?

— Ага, — ответил я и не стал рассказывать о том, каков оборотень в бою. Незачем юным девушкам о таком слушать. — Пойдем-ка обратно, пока те двое костер не проворонили...

Как ни странно, Золот вполне справлялся с ролью кострового. Видно, ему доводилось и под дождем поддерживать огонь. Может, на охоте бывал? Или в походе? Кто его разберет! С виду-то мальчишка мальчишкой...

Расспрашивать его, впрочем, я не собирался. Тем более тут и Хадрисс подошел. Встряхнулся как собака и уселся у костра.

— Вообще-то бабам положено готовить, — сообщил он, поглядев на Злату. Та только съежилась под двумя плащами. — Но тут, вижу, случай не тот. Испортит хорошую еду! Дай-ка, Север, я сам... Сколько помню, у тебя все время горелые подметки получались!

Он врал напропалую: я никогда ничего при нем не готовил, и уж тем более нам не доводилось вечерять у одного костра. Однако не могу не отметить, ложь оказалась удачной: уже и Злата перестала дрожать, и Золот व्यюном вился вокруг громадного Хадрисса — то подай, это принеси... хорошо, у меня соли немного было, таскал с собой по старой привычке. Мертвяки сильно ее не любят отчего-то. Если совсем уж наглый привяжется, можно ему в гадкую рожу сыпануть. Ненадолго, но отстанет.

Не знаю, отчего так, да и сам хозяин, по-моему, не знал. Это у его предков надо было спрашивать, но где теперь те предки... Надеюсь, сидят во владениях Великого Нижнего у холодной золы давно прогоревшего костра!

Я же занялся Везунчиком: чистить его было нечем, разве что пучком прошлогодней травы обтереть, но и то ладно. Сбруя вся мокрая, и не просушишь ведь толком, а попону хоть выжимай! И как его завтра седлать? Хотя если верхом все равно никто не едет, можно и обойтись. А седло вон Хадрисс на плечо закинет. Он такого веса и не заметит...

Я воровато оглянулся, вынул припрятанный сухарь и сунул Везунчику. Тот живо схрупал угощение и ласково фыркнул мне в лицо, негодяй.

Дождь понемногу перестал.

«Если повезет, завтра развиднеется», — подумал я, поглядев на далекое серое небо над верхушками голых деревьев.

Ан нет, не совсем голых, они уже подернулись зеленоватой дымкой, теперь я отчетливо это видел!

— Хорошо! — сказал я вслух, почесал в затылке и выудил из волос какой-то сучок. Зацепился, наверно, когда я по кустам лазил... Да, точно, я тогда чуть половину кожи с черепа не содрал!

Судя по всему, на голове у меня творилось неведь что, так что я распутал ремешок, вытряхнул из волос (не особенно чистых, кстати; пойти, что ли, макнуться в ручей?) мусор, кое-как пригладил их пятерней и собрался снова связать в хвост, как вдруг почувствовал прикосновение к левому локтю.

Это оказалась Злата, выбравшаяся из убежища.

— Возьми, — сказала она тихо и протянула мне костяной гребешок. И где только прятала! — Как он служил мне, так пусть теперь служит тебе, и...

— Ну... — начал я, собираясь поблагодарить, и уже протянул руку, но тут же получил по пальцам.

[Купить полную версию книги](#)